

Снаружи послышались оживленные голоса, и Ойгор* выглянул из своего небольшого, крытого корой аила, скорее напоминавшего шалаш. Охотники толпились на улице, обступив кого-то. Ойгору отсюда не было видно, что их так заинтересовало. Охваченный любопытством, он вышел из аила и поковылял к сборищу так быстро, как только позволяли его непослушные, неестественно выгнутые ноги. Сегодня болели они нестерпимо – на смену погоды.

Еще в раннем детстве Ойгор переболел кочевой болезнью** и чудом остался жив. Вот только ноги его не выросли до нормальной длины. Кости на них стали толстыми, узловатыми, а суставы – вывернутыми. Несмотря на такое увечье, роста Ойгор был среднего. Ходил мужчина с трудом, а доставшуюся от отца лошадь приучил опускаться перед хозяином на колени, иначе Ойгору просто не удалось бы сесть верхом.

Охотничье зимовье представляло собой единственную улицу, с одной стороны которой неровной

* Ойгор – мудрый (южноалт.).

** Доказано, что алтайские кочевники страдали различными заболеваниями опорно-двигательного аппарата, причиной которых являлись суровый климат, тяжелые условия жизни и постоянное нахождение в мягком седле без стремян.

Здесь: остеомиелит – инфекционное воспаление всех составляющих частей костной ткани, вызванное чаще всего стафилококком. Среди последствий – дефекты и деформации костей, неподвижность суставов.

линией пристроились разномастные аилы, а с другой тянулись жерди коновязи. Одним концом стойбище почти тонуло в Тайге, за другим раскинулось небольшое заснеженное поле, летом пораставшее травой и цветами высотой по пояс взрослому мужчине. С этого края и жил Ойгор. В полупустом стойбище селились те охотники, что не уходили в Тайгу на всю зиму. Те, кого не влекло одинокое существование и полное единение с природой. Но даже живущие здесь порой пропадали на промысле по нескольку дней.

Пока Ойгор доковылял до толпы, тут собрались уже все мужчины, кто не ушел сегодня в Тайгу. Они смеялись, показывали на что-то пальцами и отпугивали грязные шутки.

Рядом с одним из охотников стояла босиком незнакомая молодая девушка, кутавшаяся в его огромную бурую шубу, отороченную дорогим собольим мехом. Это был лучший охотник на всем Пазырыке и полная противоположность Ойгору: высокий, сильный и невероятно удачливый. Его плечи, руки и грудь сплошь покрывали рисунки, изображающие самых разных хищников, терзающих добычу. То была его суть.

Ярко-рыжие волосы незнакомки висели грязными нечесаными прядями. Она пугливо, подобно дикому зверьку, оглядывала собравшихся и, кажется, дала бы деру, если бы Охотник не сжимал ее плечо капканной хваткой.

- Вот так дичь! – потешались охотники. – Это в каких же краях такие водятся? Видать, не те мы места выбираем...
- А много ли меху с нее будет?
- Последний вопрос вызвал очередной раскат дружного гогота.
- А что, пусть девчонка с нами жить остается, – многозначительно, но осторожно предложил один из мужчин. – Поделишься?
- Нет, – отрезал Охотник, улыбаясь ровными белыми зубами. – Женщинам тут нечего делать. Перессоримся только.
- Верно, – поддакнул один из бывалых стариков. – Тайга нам мать и жена, да и семьи всех в стане ждут. Куда же денем ее? Нездешняя она. Говорить-то умеет?
- Умеет, наверное, – ответил Охотник. – Но вряд ли по-нашему. Меня не понимает, а сама все молчит. Хочу вот каану подарить диковинку, когда в стан вернемся.
- Он хитро обвел острым взглядом толпу.
- Разве что выкупит ее кто у меня... Только чтоб потом дома в стане оставлять. Сюда, на зимовье, не таскать.
- Сколько просишь?
- Торг, – сказал Охотник.
- Торговались вяло, нехотя. Почти все были люди женатые и куда девать девчонку – не могли придумать. Не к жене и ребятишкам же привести. Таежная дева осмелела и смотрела увереннее. Глаза ее отливали то хвойной зеленью, то скорлупой кедрового ореха.
- Я! – выкрикнул тут Ойгор, стоящий позади всех. – Я ее куплю.
- Мужчины захохотали пуще прежнего.
- Ты-то что с ней делать станешь?
- Гляди – тихоня, а все туда же.
- Шшш, – оборвал их Охотник. – Мне больше интересно, чем он станет платить.
- Ойгор прибил к охотникам только потому, что отец его был из них. Он сызмальства брал увечного мальчика зимовать с собой в Тайгу, когда по снегам пушной зверь надевает свои лучшие шубы. А потом сгинул отец. Тайга взяла его. И Ойгор не стал искать себе другого дела. Он тогда был застенчив и не мог попросить чужих людей обучить его какому-нибудь ремеслу, что давалось бы легче охоты. Поэтому он взял отцовы снегоступы, лук, силки и лошадь и на следующую зиму присоединился к остальным охотникам.
- Конечно, он не мог охотиться так много, как прочие, да и удача с ним рядом не шагала. Поэтому и задал Охотник такой вопрос, зная, как беден Ойгор.
- У меня есть шкурка серебряной лисы, – несмело ответил Ойгор.
- Охотники восторженно ахнули.
- Да ну! Врешь? – Охотник удивленно поднял бровь. – Ушли они из этих краев. За всю зиму ни одной никто не добыл, а у тебя есть?
- Была бы, так похвастался, – крикнули из толпы.
- Я никогда добычей не хваюсь, – просто сказал Ойгор.
- Принеси, покажи, – настаивал Охотник, обняв свой товар за плечи. – Небось, дохлую подобрал? Девушка злобно зашипела, пытаясь отстраниться от своего захватчика.
- Пойдем вместе. Заберешь плату и оставишь мне девчонку, – попросил Ойгор. – Ты же знаешь, мне трудно ходить.
- Я товар предлагаю, – ухмыльнулся Охотник. – За платой бегать – поищи кого другого. А у меня покупатель найдется.
- Ойгор волновался. Ему показалось, что путь до аила и обратно отнял больше времени, чем должен был. Вдруг Охотник передумает? Но все ждали его. Очень уж хотели посмотреть, чем дело кончится.
- К его возвращению зубоскалы уже нашли себе новую забаву. Кто-нибудь протягивал к девушке руку, будто намереваясь схватить, а она рычала, иногда даже клацала зубами, едва не вонзая их в плоть обидчиков. У Ойгора больно кольнуло в груди. Как можно так потешаться над живым человеком, словно это зверь какой?
- Он кашлянул, привлекая к себе внимание, и развернул блестящую серебристую шкурку. Мужчины завистливо ахнули, кто и присвистнул. Мех был хорош – густой и мягкий. Отлично выделанный, он играл и переливался на солнце. Что-что, а выделять меха у Ойгора всегда получалось.
- Охотник пощупал шкурку, даже понюхал ее, сосредоточенно сведя брови.
- Дело, – наконец сказал он. – Забирай дичь. Да только шуба-то на ней моя. Пусть снимает.
- Он практически вытряхнул девушку из теплой шубы, и она едва не потеряла равновесие. Ойгор и до этого обратил внимание на ее голые по колено ноги, но и подумать не мог, что под одеждой с чужого плеча она полностью обнаженная. Он отвел взгляд, быстро скинул свою собственную залатанную шубенку и протянул девушке. Неизвестно, что сегодня взбудоражило народ больше: вид редкого драгоценного меха или этой странной чужеземки.

Раньше он понятия не имел, зачем сохранил один из нарядов умершей матери, когда уходящим на небесные пастбища принято отдавать с собой абсолютно все их добро. А вещи эти Ойгор возил на зимовье как память о матери. И не оставлять же их гнить в сыром промерзшем аиле, где очаг умирал на зиму, потому что некому было его накормить.

Ойгор поманил девушку движением руки, не пытаясь схватить.

– К коновязи ее привяжи на ночь, не то сбежит, – насмешливо посоветовал Охотник.

Отсмеявшись вдогонку удаляющейся странной паре, все начали расходиться. Девушка шла чуть впереди Ойгора. Она не пробовала сбежать, лишь изредка оборачивалась, будто взглядом спрашивая дорогу. Мужчина же почти жалел о своем безрассудном поступке и не понимал, что его на такое подвигло. Он собирался обменять лисью шкурку очень выгодно. За нее могли дать приличный пучок стрел с железными наконечниками. Или целую охапку обычных деревянных. А на них Ойгор постепенно выменивал бы все, что понадобится для жизни. Он бы все лето прожил на одну такую шкурку – много ли ему, одинокому, надо? А теперь почти нечего будет продать в стане. Вот глупец!

Ойгор окликнул девушку, указывая рукой на свой аил. Она покорно вошла, тут же замерев на входе и восторженно оглядывая тесное жилище.

– Ты, видно, в лесу на дереве жила, – усмехнулся Ойгор. – Смотришь, будто к каану в гости забрела. Проходи же.

Он указал девушке на место у очага, но она боязливо глянула на огонь и уселась у стены прямо на постель Ойгора. По ее вискам уже текли струйки пота, и дикарка сбросила шубу. Собственная нагота ничуть не смущала ее. Ойгор же снова вежливо отвернулся. Он поставил на горячие камни очага глиняный кувшин и принес немного снега. Растопив его в кувшине и дождавшись, когда вода согреется, Ойгор подал девушке обрывок тряпки, подзывая ее поближе и показывая жестами, что так она сможет помыться. Девушка сообразила и, смочив тряпку, принялась стирать грязь с тела.

В это время Ойгор порывлся в вещах и извлек перевязанный веревкой сверток. Раньше он понятия не имел, зачем сохранил один из нарядов умершей матери, когда уходящим на небесные пастбища принято отдавать с собой абсолютно все их добро. А вещи эти Ойгор возил на зимовье как память о матери. И не оставлять же их гнить в сыром промерзшем аиле, где очаг умирал на зиму, потому что некому было его накормить. Вот одежда и пригодилась.

Любопытство пересилило сдержанность. Дожидаюсь, пока девушка закончит с мытьем, Ойгор украдкой рассматривал ее. Золотистую кожу незнакомки на плечах и груди покрывали веснушки. Он никогда еще не видел, чтобы у женщины так играли мышцы, хотя женщины в большом стане преспокойно выполняли и мужскую работу. Она наверняка сильная и выносливая. Какую жизнь ей приходилось вести прежде? Не убьет ли она своего спасителя во сне? На ее бедре и пояснице виднелось несколько тонких шрамов, как от когтей животных. Точнее, одного и того же животного, насколько Ойгор в этом разбирался.

– Одежда, – сказал Ойгор, протягивая девушке сверток и отмечая, что она даже волосы умудрилась вымыть таким скудным количеством воды.

– Не понимаю, – ответила девушка.

Видно, этим словам научилась она у Охотника. Не сделал ли он ей дурного?

– Одежда, – повторил Ойгор, подергав себя за штаны.

Девушка радостно закивала, принимая у него подарок. Ойгор присел на корточки у очага, задумчиво помешивая угли железным прутом. Он слышал, как за его спиной шуршит ткань. Подождав немного, Ойгор обернулся в надежде, что его гостя закончила одеваться, и рассмеялся в голос, да так, что брызнули слезы. Девушка озадаченно глянула на него, пытаясь натянуть войлочный чулок на руку. С остальными предметами облачения она так и не разобралась.

Вытирая слезы, Ойгор подошел к ней и принялся одевать, как ребенка. Подвязывая красными шнурами

ками высокие чулки, он старался не думать, что он делает, и не касаться бедер девушки. Растянул перед ней широкую полосатую юбку и заставил шагнуть внутрь. Застегнул ремень на талии и сильно подвернул верх юбки, чтобы сделать длину подходящей. С рубашкой девушка уже сладила сама. Ойгор улыбнулся, оглядывая творение своих рук. Девушка и так была очень хорошенькая, а привычная его глазу одежда сделала ее только краше.

– Прекрасно получилось, – заверил девушку Ойгор. – Настоящая пазырыкская женщина. Жаль, у меня нет зеркала, чтобы ты погляделась.

Но девушка, похоже, не была так довольна. Она одернула юбку, словно та ей мешала, и указала пальцем на штаны Ойгора.

– Одежда, м? – спросила она.

– Что? – не понял, Ойгор.

– Одежда! – упорствовала дикарка, теперь дернув непонятливого собеседника за штаны.

– А! – сообразил он. – Это штаны. У тебя юбка. Мужчина, – он указал на себя, – носит штаны. Женщина, – теперь на нее, – носит юбку.

Девушка нахмурилась. Ей явно было непривычно и неудобно.

– Очень красиво, – повторил Ойгор, стараясь изобразить на лице самое неподдельное восхищение.

Девушка подумала и кивнула. Ойгор снова порылся в вещах и протянул ей частый роговой гребень. Она непонимающе повертела его в руках и вернула назад. Ойгор терпеливо показал, как расчесывает собственные волосы и снова заплетает в косу, потом осторожно коснулся гребнем влажных прядей девушки, которые уже промочили насквозь верх рубахи. Она напряглась, скосив на мужчину глаза и готовясь пустить в дело ногти, а может, и зубы.

«Э, нет, – подумал Ойгор. – Не тронул ее Охотник. Были бы на нем отметины. А так только рисунки да старые шрамы».

Тем временем девушка обмякла и даже прикрыла глаза, позволив ухаживать за собой.

– Ты когда-нибудь расчесывалась вообще? – ворчал Ойгор, продираясь гребнем сквозь рыжие колтуны. – Ну, пятерней хотя бы...

Он обратил внимание, что цвет волос девушки не полностью рыжий. Попадались и темно-бурые, и светлые, медовые прядки. Он запел расчесанные волосы и потрепал девушку по руке. Она медленно открыла глаза, устремив на Ойгора сонный туманный взгляд.

– Устала? – ласково спросил Ойгор. – Вот здесь будешь спать, на моей постели. А я как-нибудь

устроюсь. Погоди, последнее спрошу. Звать-то тебя как?

Разумеется, девушка не понимала.

– Ойгор, – сказал он, прикладывая ладонь к своей груди, а потом указывая на девушку.

– Ойгор, мужчина, – повторила та и ткнула себя пальцем в грудь, видимо, вспомнив его объяснения насчет различий в одежде. – Женщина!

Ойгор отмахнулся, улыбаясь, и помог девушке улечься. В ближайшее время нужно будет что-то решать с ее судьбой, а то ему в собственном доме придется спать на холодном полу. Девушка потянулась под шерстяным одеялом, потом свернулась клубочком, накрывшись так, что наружу торчала только ее удивленно-счастливая мордашка.

– Мягче, чем на дереве, а? – спросил Ойгор. – Придется мне какое-нибудь имя для тебя придумать... женщина.

Вот так странно заканчивалась тридцать третья зима Ойгора из охотников.

* * *

Девушка не просыпалась до позднего вечера. Ойгор будить ее не стал, понятия не имея, что ей пришлось пережить не только сегодня, но и в последние дни. Должно быть, у бедняжки совсем не осталось сил. Кроме того, Ойгор был уверен, что, проснувшись, таежная дева потребует накормить ее. К охотничьему стыду Ойгора, в доме не было не только мяса, но и вообще какой-либо еды. Он собирался в Тайгу сегодня утром и, если бы не эта неожиданная сделка, может, подстрелил бы что-нибудь на ужин. А то и зверя, чья шкурка годится на продажу. Несколько кедровых шишек – вот и вся еда, что нашлась в аиле Ойгора.

От невеселых мыслей его отвлек истощенный собачий визг снаружи. У самого Ойгора собаки не было. Хороший натасканный на зверя пес стоит немало, да и кормить его пришлось бы каждый день.

Собака визжала где-то на том краю стойбища, что вплотную прислонялся к высокому кедрачу. Отозвались псы по всей улице. С собачьим лаем уже смешались встревоженные мужские голоса.

Ойгор сунул нож за пояс, быстро вложил стрелу и натянул тетиву. Даже не накинув на голые плечи шубу, он как был вышел наружу. Теперь шум доносился с середины деревни. Свист стрел, удары, ругань, звук падающих тел. И визг. Уже не только собачий, но и еще какого-то зверя. Мимо Ойгора пробежал человек с горящей веткой в руке.

– Огня! Чего стоишь? – крикнул он на бегу. – Рыси!

Все обернулись и увидели девушку, стоящую за спинами собравшихся. Она куталась в одеяло Ойгора. Девушку била крупная дрожь. Из округлившись от ужаса глаз горным потоком лились слезы. Она вцепилась зубами в собственный кулак, чтобы не закричать.

Прорва рысей в стойбище.

Рыси? Откуда? Ойгор заковылял на звуки побоища, не ослабляя тетивы. Рысь никогда не нападает на человека. И уж тем более не подходит к жилищам, где пахнет людьми, дымом и бродят непривязанные псы.

Когда он наконец добрался до цели, животные уже были мертвы. Не прорва, конечно, но Ойгор насчитал пять. Их стащили в одно место и свалили в кучу. Снег темнел от крови, слабо освещенный горящими ветками, которые держали некоторые мужчины.

– Ай-ай, испорчены шкуры, – процедил сквозь зубы Охотник, в сердцах пнув тушку ближайшего к нему животного. – Что палили куда попало? Или не знаете, как надо?

– Эээ, умный! – возразил ему кто-то. – Одна из тварей моего пса загрызла. Темно к тому же.

– Да и спали мы! – возмутились остальные. – Не каждый день зверь сам на стрелу идет. Да клочки пойдут на отделку шуб или еще на что. Делить-то как станем? Разве тут разберешь, кто попал, кто нет...

– А то каждый свою стрелу не узнает!

– Ключки... – брезгливо поморщился Охотник. – Я клочками добычу мерить не привык. Разбирайте по себе, не позарюсь. Хотя двоих точно я пристрелил.

– Нет, – неожиданно громко сказал тот самый старик, который прежде возразил против того, чтобы оставить в стойбище таежную деву. – Никто ничего делить не будет. Не зверь это.

Он поддел носком сапога чьего-то пса, попытавшегося вцепиться в один из трупов, и продолжил:

– Каждый здесь знает, что рысь так себя не ведет. Зима не голодная, с чего им приходиться туда, где человек живет? Духи это. Алмысы, не зверье. Сама Тайга к нам нынче ночью пожаловала. И привела ее она.

Костлявый палец указывал куда-то в темноту. Все обернулись и увидели девушку, стоящую за спинами собравшихся. Она куталась в одеяло Ойгора. Девушку била крупная дрожь. Из округлившись от ужаса глаз горным потоком лились слезы. Она вцепилась зубами в собственный кулак, чтобы не закричать.

Ойгор тотчас встал рядом с ней, положив пальцы на деревянную рукоять охотничьего ножа. Как бы это все ни было странно, но за девушку отвечал теперь он. Хотя от ее близости и всего происходящего у него мороз шел по коже.

– Бабы сказки, старик, – надменно фыркнул Охотник. – При чем здесь девчонка? Не верю я в такое.

– А в Духа Тайги веришь? – спросил старик. – В то, что если лишнее возьмешь, удачу потеряешь? Я видел, ты провожаешь дух каждого убитого зверя как положено. Небось, еще амулет какой на теле прячешь?

– Не твоего ума дело. Охотничьи законы с небылицами не путай, – мрачно ответил Охотник. – А мои амулеты – опыт и умение. В Меш Ээзи* каждый здесь верит, да только девчонка к нему отношения не имеет. Будь она той, кем ты ее считаешь, не смог бы я так просто ее с собой привезти. Чужестранка она. Пленница, может быть. Потешились да и бросили в Тайге. Или сбежала. Только и всего.

– Погодите, – подал голос Ойгор. – Если старик прав, нужно просто ее отпустить. Раз я ее купил, раз она теперь моя, не стану ее держать. Пусть уходит.

– Убить, – эхом отозвалось несколько голосов.

– Нельзя убивать, – сказал старик. – Ойгор дело говорит. Если девчонка принадлежит Тайге, нужно просто вернуть, что взяли. Да подношение наутро в лес отнести. И вести себя тихо, пока не снимемся к лету в стан.

– Пойдешь? – спросил Ойгор, беря девушку за плечо. – Пойдешь домой?

– Не понимаю, – прошептала она.

Ойгор указал на нее, потом махнул рукой в сто-

* Меш Ээзи – Дух Тайги. Дословно – Кедровый Дух.

Он взял ее палец и провел по ветвистым рогам животного, откинутым на перекрученную спину.

– Видишь, его передние ноги еще стоят на земле, а задние уже повернуты вверх, к небесным пастбищам, куда после смерти устремляется его дух. Это должна быть моя охотничья удача. Не работает, если честно...

От пальцев Эркеле по его телу разливалось тепло. И как он только собрался ночевать с девушкой в одних стенах?

Она задумалась о чем-то, закусив губу.

– Мужчина, – сказала она, показав на дверной проем и обведя жестом свои руки и грудь.

– Кто? Охотник? – догадался Ойгор. – Да, он весь изукрашен. Народ, к которому ты принадлежишь, не делает таких рисунков? На тебе нет ни одного.

Эркеле ответила беспомощным взглядом. Ей наверняка тоже очень хотелось понимать Ойгора и уметь объясняться самой.

Ойгор проснулся ночью от сквозняка. Оказалось, что полог на входе завешен неплотно. Эркеле в постели не было. Ойгор встал, пошевелил угли в очаге, чтобы не потухли, и вышел искать девушку. Он улыбнулся, увидев отпечатки ее ног на свежее выпавшем снегу. Но цепочка торопливых следов пересекала снежное поле за аилом и обрывалась у большого кедра на окраине Тайги. Под кедром лежала аккуратно сложенная одежда матери Ойгора.

– Эркеле! – позвал мужчину, но Тайга не ответила. – Не на дерево же влезла...

Он погладил шероховатую кожу древнего исполина. Задрав голову, наморщил лоб и сощурился. Голая девушка на ветвях – нелепость какая. Она ушла туда, откуда взялась. Но как? По воздуху?

Ойгор хотел было зайти глубже в Тайгу, но в животе скользким комком шевельнулся страх. Впервые в жизни он испугался Тайги, кормившей его. Пусть он и не забирался на дальние уголья, что требовало ночевки на снегу, но вовсе не от недостатка смелости, а из-за своих несчастных ног, которым просто необходимо тепло. Ойгор привык к ночи возвращаться домой, и теперь черная стена леса казалось чужой и недоброй. Он опустил на колени и вознес тихую молитву Духу Тайги.

Подобрав одежду, кое-как встал и растерянно побрел к своему аилу. Что ж. Ушла, так ушла. Одной проблемой меньше. Все равно Ойгор толком не знал, куда ее девать и как ей помочь.

Наутро он сытно накормил старенькую лошаду увязанным в объемную косу сеном, сунул за пазуху последнюю горсть орехов и отправился на охоту. Он уже отъезжал, когда к коновязи подошел Охотник, зачем-то оставивший на ночь своего дорогого скакуна здесь, хотя аил его стоял намного дальше. Грива коня была коротко острижена. Осталась лишь одна длинная прядь, за которую Охотник обычно хватался, вскакивая в седло.

Охотник был серьезен и непривычно бледен. Кивнул в знак приветствия и стал отвязывать длинноногого выносливого красавца, косившего блестящим глазом на спокойную клячу Ойгора. Конь нетерпеливо перебирал передними ногами. Угрожающе бряцали кабаньи клыки, щедро украшавшие сбрую. Всех этих кабанов Охотник, разумеется, добыл сам.

– Плату верни мне, – в шутку сказал Ойгор, придерживая поводья.

– А? – Охотник вздрогнул, будто только что проснувшись.

– Приобретение мое сбежало нынче ночью, – пояснил Ойгор.

– Мне что до того? – буркнул Охотник, избегая его взгляда. – Я skóry продаю, и не моя забота, коли новый хозяин их гнить под дождем оставит.

– Да шучу я. Скажи только, где взял эту девчонку?

– Где взял, там таких не осталось, – усмехнулся Охотник, взлетая на коня. – Я на восход путь держу, а ты любой другой дорогой езжай. Мне с неудачниками не по пути.

Он ударил коня пятками и унесся, словно порыв ветра в обледенелом ущелье. Ойгор пожал плечами и поехал в другом направлении. Где-то глубоко еще оставался тот испытанный ночью страх, поэтому мужчине казалось, что Тайга глядит на него.

День выдался погожий. Влажный, потяжелевший снег на кедровых лапах припорошило золотым солнечным песком. Дышалось легко и привольно. Встретив на пути широкий незамерзающий ручей, Ойгор спешился и зачерпнул ладонями вкусной студеной воды. Кисти рук заняли от холода, который тут же распространился до локтей.

Стоя у ручья на одном колене, Ойгор заметил по другую его сторону глубокие маральи следы. Мужчина, шепнув пару слов на ухо лошади, неуклюже перепрыгнул ручей и пошел по следам. Животное сильно припадало на правую заднюю, но крови нигде не было. Должно быть, марал вывихнул ногу или повредил копыто.

Утопая по колена в снегу, Ойгор добрался по следу до южного склона горы. Здесь снег начал таять и остро пахло весной. На темной проталине

лежал мертвый марал, шкуру которого с остервенением рвала зубами небольшая рыжая рысь.

«Нашла мертвым или добила умирающего», – подумал Ойгор, прекрасно зная, что даже крупной рыси не по силам одолеть этого могучего сына Тайги. Досада и разочарование от потерянной легкой добычи охватили охотника. Но он тут же отогнал их прочь, задумавшись над своими дальнейшими действиями.

Ойгор прижался спиной к стволу дерева так, чтобы его не было видно. Стоял он с подветренной стороны, и хищник не мог его учуять. Но мог услышать. До сих пор не слышал – был занят трапезой. Повезет ли так еще раз? А если убить? Вообще-то рысь для человека не особо опасна, если только не изменилось что в Тайге, ведь пришли же они ночью в стойбище.

Ойгор бесшумно закрепил стрелу и натянул тетиву, медленно выходя из укрытия. Зверь повел в его сторону ухом с темной кисточкой, но голову не повернул и продолжал жадно есть.

«Нет». Ойгор опустил лук. Животное было худым и ело так, как будто давно ему не удавалось добыть пищу. И в такой момент убить его в спину?

«Тайга смекалку уважает, а не подлость. Добычу бери, а не кради», – говаривал отец.

Мужчина пошел обратно, не делая резких движений, часто оборачиваясь. Рысь не двинулась с места, и Ойгор благополучно добрался до другой стороны ручья, где его ждала не чувшая беды лошадь.

– Надо нам с тобой запомнить это место, – сказал он лошади все так же шепотом на ухо. – Эта рысь будет вокруг шастать, пока не доест добычу. Они запасы свои не бросают, в снежной кладовой хранят. Какая рысь, говоришь? Совсем ты сдаешь у меня. Далековато, конечно, но разве ветер тебе не несет запах опасности, а?

Лошадь в ответ фыркнула. А Тайга вскоре отблагодарила Ойгора за его милосердие. Он попал в крупного зайца-беляка, да метко, не испортив меха. Не особо ценный мех, ясное дело, зато будет мясо. Ойгор присел рядом с тушкой на корточках, прошептал благодарность Меш Ээзи и аккуратно отсек ножом кончик носа зверька, отпуская его дух на небесные пастбища.

– Спасибо за мех, за мой будущий ужин, – сказал он добыче. – А если вместо неба в нижний мир решишь скакать, не говори же там, кто тебя убил.

Солнце из самой высокой точки уже покатилося на другую сторону небосклона. Ойгор доел орехи, зажевал пригоршней снега. Он спустился в неболь-

шой лог, где почти не росло деревьев. Вдруг впереди, хлопая крыльями, взлетели и заматались несколько белых куропадок, будто вспугнул их кто. Ойгор смог подстрелить трех. Двух сунул в мешок к уже лежавшему там зайцу, а третью оставил на снегу.

«Лишнего не бери, не жадничай. Лесному зверью оставь еду. Они сыты – Тайга сыта и довольна», – снова слова отца.

Как же ему повезло сегодня! Вот так чувствует себя удачливый охотник? Приятное удовлетворение грело изнутри. Раньше редко ему везло. Вот хотя бы как с той злополучной серебристой лисой, и ту отдал, получается, просто так. А чаще возвращался Ойгор в стойбище с пустой сумой и еще более пустым животом. Теперь, гляди-ка, еды на неделю хватит, как бы ни тянуло съесть все разом.

Мысли о сытном ужине нарушил отчаянный животный визг, перешедший в жалобное поскуливание. Ойгор тяжело слез с лошади, заставив ее опуститься на колени, – прыгивать уже не осталось сил. С луком наготове он осторожно двинулся на звуки рычания, скулежа и какой-то яростной возни, пока не увидел попавшую в капкан рысь. Снова рысь. Да неужели та же самая? Животное билось, каталось по земле, пытаясь высвободить переднюю лапу из железных зубов. Капкан был цепью привязан за ствол дерева. Не убежать. Ойгор знал, что сделает животное, когда поймет, что боль не проходит, а тяжелая челюсть не отпустит. Тогда хищник отгрызет себе лапу, если к тому времени его не найдет хозяин капкана.

– Эй, – позвал Ойгор, прикинув длину цепи и подойдя чуть ближе.

Животное замерло, лежа на боку и подняв голову. Желто-зеленые зрачки блеснули, клыки обнажились в угрожающем оскале. Рысь зашипела, утробно заворчала и попыталась подняться на лапы. Они были еще по-зимнему хорошо опушены – белые, как снег, кроме окровавленной передней левой. А вот рыжебурая спина, украшенная коричневыми пятнами, уже начала линять. Шерсть кое-где свалилась и висела ключьями.

– Ты не тот ли зверь, что плотно пообедал недавно? – спросил Ойгор. – Вон худой какой, а бока надулись. Хорош был марал? Я бы тоже отведал. Оставил ты мне? Ну, оставил?

Хищник резко бросился в сторону Ойгора, отпружинив тремя сильными лапами, но цепь удержала его, заставив развернуться вокруг себя и свалиться на снег. Рысь снова взвизгнула.

– Второй раз попадаешься, – спокойно продолжал Ойгор, кладя лук наземь и снимая с пояса нож. –

Он подолгу терпеливо учил Эркеле языку. Она быстро все схватывала. Иногда Ойгору казалось, что девушка не запоминает, а вспоминает.

– Научи, как сказать, – любимая фраза Эркеле, неизменно вызывавшая улыбку Ойгора.

Вот и в этот вечер с такой же просьбы начался непростой разговор.

– Что ты хочешь узнать? – поинтересовался Ойгор. Девушка смутилась. Ее золотые ресницы казались прозрачными в свете очага.

– Если что-то очень... ну, например... да как же? – Ее взгляд стал умоляющим.

– Не волнуйся, – ободрил Ойгор, погладив ее по плечу. – Говори простыми словами, пусть даже мысль твоя сложнее. Ты знаешь все нужные слова, а я тебя пойму.

Эркеле показала на блюдо с мясом.

– Вкусно. Другое разное – нет, не надо. Как сказать? Я забыла.

– Погоди, – задумался Ойгор. – Соображу. Мясо тебе нравится, а другая еда – нет. Нравится – не нравится? Это?

– Да-да, это! – обрадовалась девушка и даже захлопала в ладоши. – А когда нравится очень? Эркеле все за это отдаст. Убьет, умрет – так нравится. Как сказать?

– Умрешь? За мясо? – потешался Ойгор. – Я так всегда и думал.

– Нет-нет, забудь мясо! – замахала руками девушка. – Человек так нравится. Как сказать?

Ойгор вмиг стал серьезным. В тишине уютно потрескивало пламя, да тени безмолвно плясали по стенам.

– Тогда... – начал он не своим голосом. – Тогда говорят... я люблю тебя.

Это прозвучало как признание. Да это и было признанием, неожиданным для самого Ойгора. Он теперь понял, он не мог не понять, для чего Эркеле завела такой разговор. И он давно знал это. В своем былом одиночестве, наедине с собственными мыслями и болью, которая никогда не уходила из его тела совсем, а лишь отступала на какое-то время, Ойгор научился понимать Тайгу, понимать людей. Взрослый и мудрый, он не мог не видеть, что девушка слишком привязалась к нему.

Ойгор обхватил голову руками и раскачивался в такт своему сбившемуся дыханию. Эркеле придвинулась ближе, взяла его за руки, опуская их вниз. Потом придержала за плечи, успокаивая и заставляя сидеть неподвижно.

– Нет, Эркеле, нет, – прошептал он на ее невысказанные слова любви.

– Почему нет? Не понимаю, – печально сказала она. Ойгор уткнулся лицом в колени Эркеле, согнувшись пополам, и обвил руки вокруг ее талии.

– Потому что и мне нечего тебе дать, – прозвучал его голос, приглушенный шерстяной материей юбки. – Потому что однажды я не смогу подняться на ноги. Может, это случится на следующем рассвете. Может, через три луны. Может, через пять зим. Но однажды я уже не смогу встать. И не умру, а буду лежать, корчась от боли. А ты станешь ухаживать за мной. И тебе нечего будет есть, нечего носить. Некому будет починить стены, в которых ты спишь, и принести хворосту для очага, что тебя греет. Поэтому не надо, Эркеле, не надо!

– Мало поняла. Когда не встанешь, кто будет с тобой?

Он снова сел. Каре-зеленые глаза пытливо глядели на него, требуя ответа.

– Никого, – просто ответил он. – Может, сестра. Если ее муж согласится терпеть лишний рот в доме.

– Не хочу, чтобы никого. – Эркеле вздернула подбородок и вид имела самый решительный. – Я буду. Пожалуйста.

– Милая, хорошая Эркеле. – Ойгор прижал ее ладонь к своей щеке. – Не желаю тебе такой участи. В стане, может, понравишься кому. Хорошему воину. Или служанкой пойдешь жить в богатый дом.

– Лучше в Тайгу. В чужой дом – нет, – возразила Эркеле, уже почти плача. – Не прогоняй. Я люблю тебя, люблю!

Ойгор засмеялся от счастья, услышав это. Женщины, которые у него когда-то были, не любили его всерьез. Он и не помышлял, что появится такая, что будет готова связать свою жизнь с ним, калеккой, неспособным содержать семью. И откуда она взялась? Подарок Меш Ээзи тому, кто всегда чтит лесные законы.

Ойгор стоял на краю обрыва и, больше не думая ни о чем, шагнул туда. Ни о чем, особенно о будущем, которого так боялся. Обнимая трепещущую Эркеле, он думал только о сегодняшнем дне, принимая его дар. И если Охотнику Тайга мнилась дикой и необузданной, то он, Ойгор, всегда знал, что она была заботливой и преданной. Такой же, как прижавшаяся к нему девушка.

* * *

В середине весны охотники отправились в большой стан. Было уже тепло, и мужчины скинули шубы

так, что те остались висеть только на туго затянутых на поясе ремнях.

Эркеле ехала на лошади позади Ойгора, одну руку положив ему на плечо, а другой – обняв за талию. Лошадь нервничала и часто упрямылась. Ойгор подумал, что животному не под силу двойная ноша. Эркеле тоже чувствовала себя неудобно. Ей явно не приходилось раньше ездить верхом, и девушка неуклюже пыталась держать равновесие.

– Наверное, нужно тебе лошадь купить, Эркеле, – сказал Ойгор. – Как свадебный подарок. Хотя нет – шуба нужнее. Не сможешь ведь ты и следующей зимой по-прежнему кутаться в мое одеяло, выходя из дома. Жаль, не получится у меня подарить тебе и то и другое.

– Не надо подарка. – Девушка поцеловала его в спину чуть ниже шеи.

– Эркеле! – зашипел Ойгор. – Я же говорил: на людях – нет, нельзя. Можешь взять за руку, и только. Целовать, гладить, прижиматься – нельзя.

Эркеле хихикнула.

– Я тебе все равно что-нибудь подарю, – продолжал мужчина. – И без того у нас свадьба будет не как у людей. Ни сватовства, ни приданого, ни выкупа. У тебя родных нет совсем, у меня – родителей. Если бы не моя охотничья удача в последнюю луну, не знаю, чем бы гостей угощали.

В стане охотников встречали радостно. Крича и смеясь, к дороге сбежались их семьи, друзья и просто любопытствующие. А также те, кто первым хотел купить лучшие шкурки. Сестра Ойгора повидаться с ним не явилась.

Эркеле здесь не понравилось. Ойгор видел, что девушка боится. Она снова выглядела загнанным зверьком, как в их первую встречу.

– Ты привыкнешь, – шепнул Ойгор, беря ее за руку. – Пойдем, покажу, где я живу. Я там все вещи брошу, и навестим мою сестру.

– Зачем?

– Я тебя у нее оставлю. Здесь нам нельзя будет вместе жить. Встречаться можно сколько угодно. Буду брать тебя с собой в лес, если хочешь.

– Охотиться будешь? Здесь тоже? – не поняла Эркеле.

– Конечно. Чуть позже. Не за шкурками теперь, а ради мяса. У сестры есть несколько овец, тебе баранина понравится, – улыбнулся Ойгор.

Эркеле была очень бледна и украдкой смахивала слезы. Ойгор и сам боялся того же, что заботило сейчас его невесту. Поладят ли они с сестрой? Мужчина сомневался в этом.

Аил Ойгора оказался довольно просторным, пятистенным. Его строил еще отец, когда их семья была полной, счастливой и имела достаток. Ойгор поморщился, увидев, что несколько бревен за зиму прогнили и просели внутрь.

– Оставший очаг – сломанные стены, – вздохнул он и вошел, приглашая Эркеле внутрь.

В темном и пустом аиле стоял сырой затхлый запах. Вещей оставалось очень мало, ведь Ойгор со дня смерти матери продал уже все, что мог. А когда-то здесь были мягкие войлочные ковры и много домашней утвари.

Ойгор принялся заносить в дом мешки, которыми была навьючена лошадь. Два больших с постелями и прочим скарбом, один поменьше – со шкурками. Бросил в дальний угол оружие и принялся перебирать шкурки, развязав мешок. Ойгор выбирал подарок для сестры.

– Сестра на пять зим старше, – рассказывал он. – Замужем за кузнецом. Кузнец – это кто делает железные вещи, понимаешь? Дочь у них старшая тоже замужем. Есть еще два сына, один совсем маленький. Они в большом достатке живут. Сестра валяет войлоки. Думаю, тебя сможет научить. Тебе дело нужно, Эркеле. Без дела нельзя.

– Что это – войлоки? – упавшим голосом переспросила девушка.

– Это из чего у тебя чулки. Теплый, – улыбнулся Ойгор.

Он выбрал наконец шкурку, а потому встал на ноги и подошел к так и оставшейся у порога девушке.

– Идем? Эй, ты чего?

Эркеле хлопала носом и нервно теребила кончик рыжей косы. Ойгор поцеловал ее в губы и прижал к груди.

– Я знаю, моя девочка, знаю. Ты потерпи немного. Осенью сыграем свадьбу и перейдешь ко мне жить. А я тут пока подлатаю стены, подготовлю все. А то можно подумать, здесь давно никто не живет. И так каждую весну.

– Хочу в Тайгу обратно, – плакала Эркеле. – Здесь чужая. Здесь меня не полюбят. Хочу с тобой! Почему так долго? Почему осенью?

– Так принято у нас. Все важные вещи происходят только весной и осенью: свадьбы, похороны*, большие ярмарки, – терпеливо объяснял Ойгор. – Это время перемен для людей, утро и вечер года.

* Разумеется, люди умирали во все времена года, но, по предположению ученых, тела тех, кто умер зимой и летом, пазырицы сохраняли до переходных периодов – весны и осени соответственно.

– Я пойду, любимая. Сестра тебе все покажет: где спать, из чего есть, зачем какая вещь нужна. Я завтра рано утром заеду. Прогуляемся, посмотрим нашу реку, лес, горы. Не бойся ничего.

– Ойгор... – прошептала Эркеле, до последнего не отпуская его руку.

Он сдержал обещание, и еще до рассвета пара отправилась к перевалу. Остановились на каменистой площадке, вытопанной сотнями ног тех, кто приходил сюда полюбоваться видом на ущелье и лежащую далеко внизу долину. Кое-где пробивалась молодая трава, а в одном месте уже расцвели мелкие белые цветы. Одинокая погибшая сосна склонилась искривленный сухой ствол и тянула вниз руки-ветки.

Наверху дул сильный ветер. Такой, что Эркеле казалось, он может унести ее прочь. Но Ойгор крепко держал свою невесту за руку.

– Что это шумит? – спросила девушка.
– Водопад. Вон там, смотри. – И он указал рукой на противоположную сторону ущелья. – Вода летит вниз и шумит.

На теле лесистых гор виднелась светлая неподвижная лента воды.

– Не вижу, что летит, – не поверила Эркеле. – Она не шевелится. И смотри, какая тоненькая. И так шумит?

– Просто очень далеко, – засмеялся Ойгор. – Я потом покажу тебе другой водопад. Мы даже сможем очень высоко взобраться. Почти туда, откуда срывается поток.

В самом ущелье ничего не было видно из-за плотного молочно-белого тумана. Будто сам Тенгри* пролил туда кумыс из огромного глиняного кувшина. И не было видно ни мутно-голубой реки, бегущей до самого Алтын-Келя**, ни стойбища, что разрослось на речных берегах, ни пышной зелени, украшавшей теплую долину, куда лето приходило намного раньше.

Они подошли к самому краю, и Эркеле вглядывалась в горизонт пытливым восторженным взглядом. Самая высокая гора была покрыта снегами и прочно держала на себе небосвод. Дальше горный хребет был почти того же цвета, что и небо. Эркеле казалось, что в этом месте мир вокруг становится больше, небо – выше, а горизонт – дальше.

– Это край земного мира, видишь, Эркеле?

– Как мало я знаю слов, – вымолвила девушка. – Это так красиво. А я не знаю, как сказать.

– Я слов знаю достаточно, – ответил Ойгор. – Но всех слов на всех языках не хватит, чтобы описать то место, где мы живем. Устам нечего сказать, когда говорит сердце.

За их спинами вставало солнце, окрашивая в розовые и оранжевые тона синие облака, спящие на макушках гор.

* * *

Эркеле оказалась способной ученицей, и войлок выходил у нее мягкий и равномерно тонкий. Но никакого удовольствия от своего труда девушка не получала. Кроме того, она побаивалась сестры Ойгора и ее мужа – крупного крепкого мужчины с вечно красным от кузнечного жара лицом. Радовалась Эркеле, только играя с младшим ребенком или выезжая на охоту с Ойгором.

Он впервые взял с собой невесту в начале лета, попросив у сестры лошадь, – вдвоем в одном седле было слишком неудобно. Привычная для Эркеле хвойная Тайга здесь была разбавлена тонкими стволами берез и осин. С удивлением рассматривала девушка и пыльное разнотравье под ногами лошади. Над ранними цветами сонно гудели пчелы.

– Смотри, Ойго...
– Тише! – тут же перебил ее Ойгор, резко останавливая коня. – Никогда не называй моего имени так громко там, где я охочусь.

– Почему? – с недоумением спросила Эркеле.
– Ни лес, ни зверь не должны знать моего имени. После смерти у духа каждого зверя два пути. Небесные пастбища, куда попадает и всякий достойный человек. И нижний мир, владыке которого не понравится, что человек посмел поднять руку на создание земли.

– Я понимаю, – кивнула Эркеле. – Если твое имя там назовут, тогда что?

Ойгор поежился.

– Тогда пошлют за мной одного из нижних людей в облике зверя. Это будет смерть моя. Стрела летит мимо такого, и нож его не берет.

Эркеле побледнела так, что веснушки на носу и щеках стали ярче. Она рассеянно рассматривала лесистые склоны невысоких гор, за которыми вставали заснеженные исполины.

– Ты что? – забеспокоился Ойгор. – Напугал тебя сказками? Может, это и выдумки, да только про- верить не хочется.

* Тенгри – божество алтайской мифологии, олицетворяющее небо.

** Алтын-Кель – Телецкое озеро. Дословно – Золотое озеро.

– Никогда... не встречала нижних людей, – сказала Эркеле, выдавливая слова из пересохшего горла. Взглянул Ойгора был добрым и внимательным. Он подыехал ближе и взял руку девушки в свою.

– Ты действительно не помнишь, кто ты?
– Нет, я же говорила – нет! – горячо ответила Эркеле. – Я недолго прожила в Тайге, пока Охотник не нашел. Как там оказалась и где была до этого – не помню. Не веришь? Может, я – из нижнего мира? Так думаешь?

– Это вряд ли, – засмеялся Ойгор. – Ты просто таежное диво, морок, видение. И я достаточно не в себе, чтобы такую взять в жены. Я больше не буду расспрашивать, извини меня. Это, наверное, страшно – не помнить, кто ты.

– Я помню тебя и имя, которое ты мне дал. Больше ничего не нужно. Поцелуй, – потребовала девушка, потянувшись к нему.

– А говоришь, ничего не нужно.
Теплое дыхание Ойгора на ее губах, его рука на плече – придержал, чтобы девушка не упала с лошади.

К полудню они добрались до водопада, где решили отдохнуть и отпустить лошадей пастись и напиться. Высокий водопад гремел, роняя воду по большим валунам. От него веяло прохладой. В воздухе висели мириады мельчайших брызг и капель – невесомая водяная пыль, клубящаяся вокруг и отражающая солнечные лучи, как россыпь драгоценных камней. Крошечные радуги рождались из воды и света прямо на глазах Ойгора и Эркеле.

Девушка засмеялась и захлопала в ладоши. Она быстро сняла чулки с толстыми кожаными подошвами, задрала юбку до колен и принялась перепрыгивать с камня на камень там, где вода уже текла по положому руслу.

– Эй, там скользко! – крикнул Ойгор. – И вода ледяная.

Он так любил ее в этот момент. Непосредственную, неопытную, как ребенок, едва научившийся ходить. Эркеле приводили в восторг прекрасные и простые вещи. А он, глупец, еще раздумывал, что подарить на свадьбу. Эта девушка принимала как самый дорогой подарок все, что он показывал и рассказывал ей.

– Иди сюда! Это весело! – звала Эркеле, все-таки намочившая подол юбки.

Что Ойгор мог ответить на это? Что если сейчас войдет в эту обжигающе-холодную воду, то нынче же ночью расплатится невыносимой болью в ногах? Что он неполноценен и не так вынослив, как прочие? Эркеле не обращает внимания на его увещье, так стоит ли лишний раз ей напоминать?

Разувшись, Ойгор медленно вошел в воду, доходящую до середины щиколотки. Нет, не ночью – боль пришла сразу. И он терпел, гоняясь за приткой девушкой, стараясь не упасть, споткнувшись или поскользнувшись. И был счастлив. Поймав Эркеле и прижав ее, отбивающуюся, спиной к своей груди, уткнувшись лицом в растрепавшиеся волосы, Ойгор забыл о боли.

Он не мог встать с постели несколько дней. Ойгор радовался, что он в аиле один, – никто не слышал его стонов. Кости будто дробили ударами кузнечного молота. Ему едва удавалось сесть, чтобы смазать жгучей мазью чужие, непослушные ноги. Где-то посреди его горячего бреда явилась Эркеле. Он видел ее каре-зеленые глаза и чувствовал теплую ладонь на своей щеке. Ойгор слышал голос сестры, о чем-то спорящей с девушкой. Он понял только, что Эркеле наотрез отказалась уходить. Голос сестры пропал, а его невеста осталась.

Ойгор проснулся утром – он не знал, каким утром по счету. Эркеле спала в его ногах, обнимая их. Боль еще тупо пульсировала внутри, но была терпимой. Ойгор сел.

– Я поссорилась с твоей сестрой, – раздался сонный голос. – Она не велела ночевать у тебя. Ей все равно, что тебе больно?

– Наверное, да. Гораздо важнее, что скажут люди.

– Эркеле глупая, – печально сказала девушка. – Это все та холодная вода, правда?

– Правда. Но я был живым, как никогда, пусть даже потом пришла расплата.

Эркеле подняла голову и виновато улыбнулась.

* * *

В день свадьбы Эркеле не находила себе места. Накануне сестра Ойгора вымыла ей волосы в воде с молоком и теперь гладко расчесывала их, разделив на ровный пробор. Эркеле ерзала и теребила рукава чисто выстиранной рубахи, за что постоянно награждалась ворчанием будущей родственницы. Ко всему прочему у девушки прихватило живот так, что мурашки пошли по коже.

Раз не было родных, чтобы сопровождать Эркеле, к аилу жениха ее повели сестра с мужем и детьми. По дороге к ним присоединялись желающие отведать свадебного угощения и выпить чего-нибудь хмельного. Люди до сих пор с интересом тарачились на Эркеле, хотя она уже не одну луну прожила среди них.

Невеста скромно сидела на коне, спустив обе ноги на одну сторону. Конь – свадебный подарок

Ойгора. Дар сестры – шубка из овчины и меха сурка – была наброшена на плечи Эркеке.

У аила Ойгора на земле были расстелены войлоки, заставленные блюдами с кушаньями и тажурами с вином и аракой. Нельзя было назвать это пиром, но и слишком бедным застольем не казалось. Сам Ойгор, приветливо улыбаясь, сидел по правую сторону от занавеси из белой ткани тончайшей шерсти, натянутой меж двух крепко вогнанных в землю веток. Он не встал навстречу невесте, но при виде него Эркеке стало спокойно, и боль в животе утихла.

Кто-то подал ей руку, помогая спешиться. Эркеке с удивлением поняла, что это Охотник. Он противно ухмылялся, будто глядя в самую ее душу и вороша там неприятные мысли. Девушка как можно быстрее высвободила свою ладонь из его большой руки. Ей указали на подушку, лежащую на земле по другую сторону белой занавеси. Эркеке села. Ткань позволяла увидеть лишь силуэт Ойгора, но девушка чувствовала исходящую от своего жениха спокойную силу. Она расслабилась.

Гости встали вокруг жениха, невесты и войлоков с угощением и принялись петь, придумывая мотив и слова песни тут же, подхватывая друг за другом, перебивая и смеясь. В этой песне прозвучали все обычные пожелания, приличествующие моменту. Затем все расселись: кто прямо на землю, кто на снятые с лошадей седла. Женщины – со стороны Эркеке, мужчины – со стороны Ойгора. Жених встал и начал обносить гостей мясом: женщины получали ребра, мужчины – куски бараньего бедра. Эркеке тоже поднялась и стала наливать напитки в протянутые чаши. Она все делала, как учила сестра. Руки дрожали, и иногда красная жидкость проливалась, пачкая войлок или чью-нибудь одежду. Никто не сердился.

Двигаясь с разных сторон, жених и невеста неизбежно встретились, и Ойгор легонько задел Эркеке плечом и подмигнул, прежде чем им пришлось снова разделиться, пройдя мимо друг друга. Солнце отражалось в его серых глазах, словно на поверхности одного из гладких озер, расположенных неподалеку. Солнце играло золотом на еще больше порыжевших за лето распущенных волосах Эркеке. Солнцем освещала всех собравшихся их любовь.

Девушка осмелела окончательно и вскоре смеялась вместе со всеми, откусывала крепкими зубами от большого куска баранины и с азартом наблюдала за обычной для праздника игрой. Двое соревнующихся пытались отнять друг у друга блюдо так, чтобы не уронить лежащее на нем мясо.

День клонился к закату, когда сестра поднялась со своего места и, по праву старшей женщины рода, сняла белую занавесь, разделявшую Ойгора и Эркеке. В одиночестве она унесла ткань в аил и закрепила над ложем. Теперь никто, кроме супругов, больше не посмеет касаться этой ткани, ставшей символом их новой семьи. Умрет один из них – половину навеса отрежут и отдадут ему с собой на небесные пастбища. Уйдет другой – унесет оставшуюся часть. Там, в краю вечной жизни, соединят они разорванный навес в одно целое, снова став мужем и женой.

Когда сестра закончила с тканью, жених и невеста под очередную песню гостей привязали красные и белые полоски материи на растущий за аилом куст жимолости – на счастье. Затем Эркеке встала на колени перед аилом, лицом к гостям. Ойгор с сестрой устроились по обе стороны от нее. На месте сестры, конечно, должна сидеть мать Эркеке или другая родственница, но теперь это был единственный способ соблюсти обычай.

– Я отдаю ее, – промолвила сестра, заплетая половину волос невесты в косу.

– Я беру ее, – ответил Ойгор, заплетая вторую косу.

Он протянул Эркеке обе руки, и она наконец смогла коснуться своего теперь уже мужа, которого почти и не видела на протяжении всего пира. Их проводили в аил радостными криками и новыми пожеланиями.

Ойгор принялся разжигать огонь в очаге, а Эркеке восхищенно разглядывала спадающий мягкими волнами белый навес. Слышны были голоса расходящихся по домам захмелевших гостей. Девушка перевела глаза на ложе, которое теперь стало намного шире, и поняла, насколько вымоталась. Всеобщее внимание утомило ее. Хотелось растянуться на шкурах и вздремнуть.

– Мы им нравимся, да, Ойгор? – спросила девушка.

– Кому? Гостям? – усмехнулся Ойгор. – Не уверен. Во всяком случае, не всем.

– Но они были довольны, – не поняла Эркеке.

– Конечно. Они поели, выпили и повеселились. А чья свадьба – по большому счету это и не важно. Иди-ка сюда.

Эркеке подошла.

– Возьми вот это блюдо и покорми огонь. Это крепец – лучший кусок барашка. Вы должны подружиться – моя жена и очаг моего дома.

– Ну да, – серьезно согласилась Эркеке. – Мы ведь с ним близко не знакомы. Люблю ваши обычаи. Они интересные и в них есть толк.

– Как и в твоих речах. Ты очень хорошо теперь говоришь, Эркеле. Скоро станешь обычной женщиной, такой же, как остальные в стане. Это даже немного грустно, моя таежная дева.

Он привлек ее к себе. Эркеле положила голову ему на плечо, и они вместе смотрели на пожирающий подношение огонь.

- Хочу попросить, но боюсь, что откажешь, – жалобно сказала Эркеле.
- Посмотрим, – мирно ответил Ойгор.
- Сестра сказала, ты наутро обрежешь мне косы. – Ее голос перешел в испуганный шепот. – Я видела, как у нее под той штукой, что она носит на голове... Можно не делать этого?
- Я сам не хочу. Но так принято. И волосы, знаешь... Заполучив хотя бы одну волосинку, плохой человек может сделать тебе зло, навести порчу.
- Какую порчу? – переспросила Эркеле. – У мужчин длинные волосы.
- Мужчины не вынашивают детей. Мужчины не хранят очаг. Ты теперь – солнце этого дома, Эркеле. Погаснешь ты – угаснет род, – неуверенно возразил Ойгор.

Эркеле почувствовала эту неуверенность и воспользовалась ею.

- Пожалуйста, – просила она, заглядывая в его глаза, – давай скажем, что в краю, откуда я родом, считают, что в волосах – сила человека. Давай скажем, что я даже ни разу не укорачивала их.
- Я подумаю до утра, – кивнул Ойгор. – Все равно мы не как все. Странностью больше, странностью меньше...

Посреди ночи Ойгор поднялся с ложа, поспешно натянул штаны и вышел наружу. Он стоял, разглядывая струйки дыма над спящими аилами. В темной дали белели вершины, подпирающие черное звездное небо. Ночь была уже холодна. Тем слаще оказалось тепло Эркеле, когда она бесшумно подкралась сзади и прижалась к нему нагим телом.

- Вернись в дом, простудишься, – велел он резко, чем хотелось бы.
- Что такое? – Она не двинулась с места.
- Эркеле. – У него перехватило горло. – Шрам у тебя на руке. На левой, выше запястья. Откуда он?
- Не помню, – глухо ответила девушка.
- Он не старый. Я разглядел в свете очага. К тому же, когда в тот первый день я помогал тебе одеться, шрама не было. Откуда? Я тебя спрашиваю.

Его голос звенел металлом. Нежное тепло исчезло, лишь качнулся полог на входе в аил. Ойгор вошел вслед за девушкой, краем глаза заметив, что она сжалась в комок на их ложе, завернувшись в одеяло. Он спокойно прошел к той стене аила, возле которой лежало охотничье снаряжение, и подобрал с пола свой длинный нож в деревянных ножнах. Вынимать пока не стал. Теперь он глядел на девушку прямо, и она задрожала под его жестким взглядом.

- Наверное, я всегда знал это, – с горечью сказал он, охваченный одновременно и жалостью, и злостью, и страхом. – Что же ты не сказала мне правды? Что же ты обманом получила мое сердце? Зачем я тебе?

– Ойгор, я не лгала, никогда не лгала! – взмолилась Эркеле.

Он уселся на ложе, и девушка испуганно отползла от него подальше, поглядывая на небрежно брошенный на подушку нож.

- Дай взглянуть. – Он протянул ладонь, и девушка поспешно выполнила приказ.

Розовый шрам обнимал руку подобно браслету. Вниз к запястью от него спускались рваные полосы.

- Слишком много на вас, женщинах, ткани. Складки, юбки, рукава до кончиков пальцев, – мрачно подвел итог Ойгор. – А ты осторожна. Ухитрилась же прятать.
- Прогонишь теперь? – простонала бедная Эркеле.
- Прогоню? – Его глаза недобро блеснули. – А если убью?
- Два раза не убил. Зверя не убил – человека не станешь.
- Да, – согласился Ойгор. – Пожалел рыжую рысь, голодную, раненую – получил рыжую невесту, хитрую, лживую.

Эркеле разрыдалась.

- Что ты хочешь, женщина нижнего мира? Дух мой? Жизнь?
- Только твою любовь и чтобы у меня был дом, – сказала девушка, захлебываясь рыданиями. – Я не знаю, где вход в нижний мир. Я никогда там не была и не видела людей, о которых ты рассказывал. Я просто боялась говорить тебе правду, потому что не хотела потерять тебя.
- На что же ты надеялась? На мою глупость? На то, что я не сойду вместе окружающую тебя таинственность, тот случай и твой шрам?

Никогда, никогда бедная Эркеле не подозревала, что он может говорить так зло и холодно.

- Я просто ждала, когда полюбишь меня так, что станет неважно, кто я.

– А я и люблю тебя так. Но кем бы ты ни была – ты скрывает правду. Так отвечай теперь, кто ты такая?

Утерев слезы, Эркеле заговорила дрожащим, прерывающимся голосом. Ойгор слушал, не спрашивая, не перебивая, а с первыми лучами солнца он вышел из аила, отвязал лошадь и ускакал. Нож остался лежать на подушке.

* * *

Глубоко в древней Тайге, там, где деревья растут, не зная железа топора, там, где обитает лишь зверь, из недр земных поднялось озеро. Вода в нем – бирюзы голубой, как воды Великой реки. Берега его – сплошь болота да поваленные временем кедр. На дне его видно дыхание Тайги. И от каждого того выдоха новое яркое пятно бирюзы по дну стелется.

Вода в том озере – слеза гор. Чистая, целебной силы полная. Бережет Меш Ээзи озеро от глаз людских, от человеческой жадности да от тех, кто берет, не отдавая ничего взамен. Но не жаден Дух Тайги, не прячет живительную влагу для себя одного. Всякий зверь, заболев, знает, какую траву найти. Всякий зверь, умирая, ведает, на какие прийти берега. А коли достало сил найти дорогу – исцелит озеро и новой жизнью прежде хворое тело наполнит.

Известно о дивном озере и посвященным людям, но никто из них не смог отыскать его. Слуги Меш Ээзи стерегут все пути, сбивают с толку и путают. В дне пешего хода от озера, под солнцем, на прогалине лежит плоский камень – он всегда теплый, и днем и ночью, и летом и зимой. На этом-то камне и оставляют люди своих больных и угасающих. Кто жизни недостоин – того найдет семья к утру холодным на камне. Других же не увидят родные никогда.

Светлого, безгрешного возьмут слуги Меш Ээзи с собой, отнесут к озеру да в воду опустят. Станет он телом силен, а духом – как младенец. Не вспомнит исцеленный ни отца, ни матери, ни имени своего, ни слов языка, на котором с рождения говорил. И станет он, среди прочих слуг, помогать людям, которых согласно озеру принять в свое лоно.

Да еще одно с таким человеком станется. Может он по своему желанию изменять облик свой на звериный и стаей жить с подобными себе. А жизнь былую позабудет навек. Всему своя цена в поднебесном мире.

* * *

Ойгор вернулся к вечеру – серьезный, молчаливый. Он и не посмотрел на Эркеле, поспешившую подать ему еду. Наспех поев, он вышел и долго чистил уставшую старую лошадку и о чем-то тихо шептал ей.

Эркеле ждала. Так же молча. Все, что могла она сказать, было уже произнесено. Закончив ухаживать за лошадью, Ойгор вернулся в аил. Эркеле пугало его молчание и то, как ходили у него желваки.

– Я задам тебе два вопроса, – наконец сказал он, усаживаясь на постель и пытаясь снять сапоги. – А ты мне ответишь. Коротко и по делу.

– Хорошо, – прошептала Эркеле, бросаясь на помощь мужу, видя, что разуться у него не получится.

– Ты когда-нибудь убивала человека? – Его взгляд, готовый приметить любой признак лжи, пронзал ее каленой стрелой.

– Никогда, клянусь! – горячо откликнулась Эркеле. Ойгор удовлетворенно кивнул и задал свой второй вопрос:

– Те животные, приходившие ночью в стойбище...

– Убитые, – подсказала Эркеле.

– Да. Они были как ты? Ты знала их?

– Это была моя семья, потому что родную я не помню, – вздохнула Эркеле. – Мы недолго прожили вместе, ведь я оказалась среди них лишь прошлым летом. Мы не говорили друг с другом ни на каком человеческом языке, потому что ни одного не знали. И имен у нас не было. Мы больше бродили в зверином обличье. Играли, боролись в шутку... Видел шрамы у меня на теле? Это от тех игр. Они, я думаю, искали в стойбище меня. А нашли смерть.

– Где он тебя встретил? Как поймал? Охотник, – продолжал Ойгор.

– Это уже больше вопросов. – Ее губы тронула робкая улыбка.

– Отвечай, – резко настоял Ойгор.

– Как я уже сказала, я вообще-то редко бродила по Тайге человеком. А тут пришлось. Я перебежала через ручей. Замерзший он был – провалилась. Промокла вся. Шерсть мокрая, обледеневшая – ты не представляешь, что это. Ну, я и обернулась человеком. Мокрые волосы скрутила в узел и сидела под деревом.

– Зимой, голая, под деревом, – уточнил Ойгор.

– Мне не было холодно. Но после рысьего слуха человеческое ухо с непривычки совсем глухое, да и он неспроста лучший среди охотников.

Все замолчали, только запел кайчи, заговаривая Тайгу сказом, чтобы отвлеклась Тайга, заслушалась и впустила в себя охотников. Пока отдавался эхом тот кай, старый охотник зажег можжевельные ветки и пошел впереди процессии, медленно поводя дымящимся можжевельником из стороны в сторону.

В общем, он стоял меж деревьев с этой своей вечной усмешкой и целил в меня из лука. Я не могла стать зверем обратно, не могла, чтобы он увидел. А так мне было не убежать. Вот и пошла с ним. Знала, что потом улизну.

- Но не улизнула.
- Почему же. – Эркеле опять улыбнулась. – Я ведь сбежала, как и хотела. Только от тебя.
- Зачем вернулась?
- Твои глаза. Там, в Тайге. Ты дважды мог убить, но не убил. Я поняла, что, кроме тебя, у меня никого. Теперь у меня опять никого. Эркеле опять одна.
- Взгляд Ойгора смягчился. Он взял руку девушки и поцеловал ее.
- Нет, не одна. Я купил тебя у Охотника, я взял тебя в жены. Теперь мне отвечать за тебя. Так что оставайся. Тем более я скоро уйду обратно в Тайгу.
- Только поэтому остаться?
- Нет. Потому что я полюбил тебя. Только не лги мне больше никогда, слышишь?
- Эркеле бросилась к нему. Ойгор не ответил на объятье, но и не оттолкнул.

Когда мужчинам-охотникам настала пора уходить на промысел на всю зиму, Эркеле запросилась с Ойгором. К тому времени у них окончательно наступил мир.

- Я не могу тебя взять, – мягко возражал Ойгор. – Ты же знаешь тамшние порядки. Никаких женщин в стойбище. Останешься здесь. Сестра присмотрит за тобой. Зима быстро закончится, вот увидишь.
- Но я же могу... – Эркеле засомневалась, стоит ли это произносить вслух. – Я могу жить в Тайге – зверем. И иногда сопровождать тебя на охоте или приходить ночью. Я буду осторожна. Никто не увидит, обещаю.
- Ойгор пораженно уставился на нее.
- Приходить в стойбище? Полное вооруженных мужчин и их собак? Не смей. Я не позволяю тебе. Я твой муж и лучше знаю людей. Ты погибнешь там. Это безрассудство ни к чему. Я ведь не на совсем ухожу.

Конечно, по мнению Ойгора, именно безрассудство и своеволие толкнули Эркеле на дальнейшие поступки. Она же оправдывала себя безграничной любовью.

Провожать охотников на зимовье отправились их семьи и все, кто хотел. Большой процессией доехали они до перевала. Все замолчали, только запел кайчи, заговаривая Тайгу сказом, чтобы отвлеклась Тайга, заслушалась и впустила в себя охотников. Пока отдавался эхом тот кай, старый охотник зажег можжевельные ветки и пошел впереди процессии, медленно поводя дымящимся можжевельником из стороны в сторону.

– Большая Тайга пусть даст добычу, быстрые реки – переправу, лесистые горы – перевал. Пусть путь наш будет удачным. Пусть ни один из нас не прогневает Меш Ээзи, – повторял старик, и каждый мысленно вторил ему.

Так, почти в полной тишине преодолев перевал, всадники сошли с коней у подножья высокой горы. Охотники стали подниматься на нее, с ними шел и кайчи, не обрывая песнь. Вели несколько жирных баранов – подарок для Меш Ээзи. Только лучший из лучших достаивался чести прирезать их в честь Духа Тайги.

Ойгор и Эркеле остались внизу вместе с прочими людьми. Ойгор с тоской смотрел вверх. В последний раз он восходил на эту гору, когда был жив отец. Тогда он поддерживал мальчика под локоть, но до вершины они все равно не дошли. Каких общих

День, пожалуй, прошел бессмысленно. Ойгор все время промахивался, будто кто бил по руке, пока он отпускал тетиву. Две впустую пущенные стрелы он так и не отыскал, а из найденных одна оказалась сломанной. Ойгор решил больше не испытывать удачу и вернуться в стойбище, хотя солнце стояло еще высоко.

Возле аила Охотника царило какое-то радостное оживление. Несколько оставшихся дома мужчин разглядывали нечто, лежащее на снегу. Завидев Ойгора, один из них замахал ему рукой и крикнул:

– Эй, Ойгор, езжай скорее! Смотри, рысь!

Осторожную лесную кошку убить удавалось нечасто, да охотники и не стремились. Богачи и модницы в стане любили соболя, горностаю, а прочие довольствовались сурком, куницей, белкой. Жизнь белого барса была священной для людей гор. Изредка забредавший в эти края полосатый тигр был слишком крупным, чтобы уложить с одного выстрела, не рискуя обратить на себя его ярость. Рыси осторожничали и человека избегали. Так что лежащая на снегу поверженная рысь являлась редкостью. А про тот странный случай в прошлую зиму все уже позабыли – немало диковинного встречали охотники в Тайге за свою жизнь.

Ойгор почувствовал, как в один краткий миг все в нем умерло. Он спешил и направился к мужчинам, подволакивая правую ногу. Охотник внимательно наблюдал за Ойгором и, похоже, был крайне удовлетворен выражением его лица.

– Я подстрелил, – похвастался Охотник, и его губы медленно растянулись в торжествующей улыбке. – Что скажешь?

– Да он онемел от удивления! А может, от зависти, а, Ойгор? – смеялись остальные. – Тебе такая добыча и не снилась.

Ойгор протиснулся между ними и тяжело опустился в снег рядом с рысью. Открытые глаза зверя неподвижно смотрели в Тайгу. В горле была аккуратная, не портящая шкуру рана – отменный выстрел. Ойгор провел ладонью по шерсти левой передней лапы, и отлившая от его лица кровь бросилась обратно. Его затрясло. Так и не заросшего шерстью рваного шрама на лапе мертвой рыси не было. Только тут Ойгор заметил, что это животное крупнее и пятна на спине реже.

– Хорошая добыча. Удача с тобой, – сказал он, поднимая спокойный взгляд на Охотника.

Вечером Охотник возник на пороге аила, когда Ойгор собирался ужинать.

– Что? Не она? – с вызовом спросил нежданный гость.

– Не понимаю тебя, – невозмутимо ответил Ойгор. – Угостить ужином?

– Ты? Станешь угощать меня? – брезгливо поморщился Охотник. – Я все знаю, не уходи от разговора.

– Я не сомневаюсь, что ты знаешь все в этой жизни. Вопрос в том, сколько из этого ты в состоянии понять.

– Умный, да? – Охотник начинал злиться. – Скажи ей, я ее ищу. Она – моя добыча, в конце концов. Если бы я сразу догадался, кто она...

Ойгор взирал на него с искренним непониманием.

– Так ты есть-то будешь? – переспросил он.

– Не надо притворяться слабоумным, Ойгор! – взревел Охотник, ударив носком сапога по деревянной чашке в руках Ойгора.

Чашка вылетела, и куски мяса рассыпались по полу и по штанам Ойгора, оставляя на ткани жирные пятна.

– Ой, извини, – притворно вежливо сказал Охотник. – Твоя девка отстирает, правда? Негоже женщину сюда брать, нечестно по отношению к другим. Я два голоса здесь слышал, когда проходил мимо. А следы, если хорошо поискать, – рысьи. Так глупо – охотнику на следах попасться, а? Теперь у меня все в голове сложилось. И девчонка голая в лесу, и те хищники, что в стойбище приходили. И твое лицо, когда ты сегодня мою добычу увидал.

– Иди и скажи всем, что моя жена бродит по лесу в рысьем обличье и навещает меня ночами. Иди и скажи, пусть посмеются, – глухо ответил Ойгор.

– Придет время – скажу. Берегитесь меня. Вы оба. Он вышел, едва не оборвав полог.

– Что тебе нужно? – спросил Ойгор, выскакивая следом. – Почему просто не оставишь нас в покое?

– Потому что подарок Тайги достался тебе, а не мне, – сквозь зубы процедил Охотник. – Я же вижу, дела у тебя пошли на лад.

– А твои всегда хорошо шли, – парировал Ойгор. – К тому же ты сам подарку Тайги предпочел лисью шкурку. На себя и пеняй.

Ничего не ответил Охотник, но взгляд его добра не сулил. Поэтому при следующей встрече Ойгор отправил Эркеле домой. Узнав с ужасом, что тайна ее раскрыта, девушка беспрекословно повиновалась.

Незаметно миновала зима, вздохнув на прощанье последними холодными ветрами, тальми сне-

гами оплакав свое поражение. Охотники вернулись в стан, смеясь и похваляясь добычей. Эркеле была непривычно молчалива. Видно, эта одинокая зима в деревянных стенах тяжело далась вольной рыси. Весна и половина лета прошли в обыденных занятиях и тихом счастье.

В один из поздних летних дней Эркеле стала сама не своя. Она металась по айлу, заламывая руки и тербя одежду. Иногда она выбегала наружу, но тут же возвращалась, держась за горло, будто ей не хватало воздуха.

Ойгор, занятый снаружи починкой седла, в котором истлела набивка, с недоумением наблюдал за ней. Его молодой жеребец, купленный взамен недавно околевшей старой лошади, тоже вел себя странно. Он шевелил ушами, будто прислушиваясь к чему-то, фыркал, широко раздувая ноздри, и рыл копытом землю. Ойгор слышал, что по всему стану раздаются конское ржание.

– Эркеле, что такое? – спросил он, когда девушка в очередной раз показалась в проеме айла, застыв на пороге и глядя невидящими глазами в даль.

– Я не знаю! – надрывно воскликнула она. – Только сегодня что-то не так. Что-то происходит. Что-то будет, Ойгор!

– Что?

Она не ответила, лишь посмотрела на небо, наморщив лоб. В этот миг замолчали птицы. Ойгор прежде и не замечал их, но, когда птицы перестали петь, это резануло слух. Даже легкий ветерок, шелестевший до этого в уже неяркой траве, затих. Ойгор подскочил, уронив с колен незашитое еще седло, из которого посыпались высушенные травы и мох. Мужчина тяжело дышал, а сердце выбивало ритм, с которым, должно быть, пульсируют в недрах земли ее соки. Не это ли чувство заставляло беспokoиться животных и по-звериному чуткую Эркеле?

Девушка бросилась к Ойгору на грудь, пряча лицо и вздрагивая, как от ударов.

Стало холодно, будто враз остыло солнце. Со всех сторон теперь доносился взволнованный людской гомон. Голубое небо посерело, и на яркое солнечное блюдо напозло что-то черное, круглое. Оно постепенно закрывало светило, забирая жизнь с земли. И вот солнца почти не стало, лишь яркий ободок света горел вокруг черного круга, да прорывались порой ослепительные вспышки, похожие на умирающие звезды. Темнота, холод и тишина – вот все, что осталось в мире, и пазырыкцы почувствовали себя покинутыми и беспомощными.

В стане творилось что-то необразимое: крики, плач, суета и беготня. Да ревели на все голоса домашняя скотина. В довершение этой жуткой картины земля несколько раз содрогнулась. Люди были привычны к движению тверди под своими ногами, но сегодня это стало последней каплей. Ойгор, неколeбимо верующий в небесные пастбища, неожиданно для себя подумал, что вот это и есть смерть и по ту сторону их не ждет ничего. Пленный чернотой солнечный круг со своим мерцающим поясом больно слепил глаза, вызывая желание опустить голову, но какая-то неведомая сила заставляла Ойгора неотрывно смотреть вверх.

Но солнце победило. Медленно и упорно отодвигало оно от себя преграду, не дававшую ласкать теплом любимую землю и приглядывать за дорогами ему существами. Вот уже и стало все, как было. Остался лишь страх в сердцах людей. Ойгор потянул Эркеле за руку, вклиниваясь в толпу.

Все бежали к центру стана, на широкое вытоптанное место перед богатым айлом каана. Куда же еще бежать, когда рушится мир, как не к каану?

Тогдашний правитель человеком был суеверным. – Кто-то сделал худое, – сказал он. – Кто, признайтесь, пошел против законов, что чтим мы на этой земле? Мы прибыли сюда из краев, где заходит солнце. Мы учились всему заново. Мы познали то, что было неведомо нам, пока копыта наших лошадей не ступили на эту землю. Кто же, подобно дикому степному бродяге, проявил глупость и себялюбие? Кто оскорбил землю Пазырыка и навлек беду на всех нас?

– Ойгор из охотников, – раздался звучный голос, на который обернулась вся толпа.

Вперед вышел Охотник. Эркеле до хруста сжала пальцы мужа. Ойгор молчал. Каан ткнул перстом в Охотника.

– Ты. Ты обвиняешь и можешь доказать?

Тот кивнул.

– Кто это – Ойгор? Выйди-ка, – продолжил каан.

Ойгор вышел, едва отцепив руку Эркеле от своей.

– Ты знаешь, в чем этот человек обвиняет тебя? – спросил каан, сложив руки на животе.

– Нет, владыка, – уверенно ответил Ойгор.

– Кто может свидетельствовать за тебя?

– Боясь, никто, – улыбнулся обвиняемый. – А так как некому свидетельствовать и против, то остается только мое слово против слова Охотника. И твоя мудрость, каан.

Охотник мысленно выругался. У него не так хорошо подвешен язык, а значит, нужно придумать что-то еще, чтобы потопить этого выскочку.

- Каан, с ним суди и его жену, – сказал Охотник. – Она также повинна. А для свидетельства можно позвать и сестру Ойгора. Больше про них мало кто сможет что-то сказать.
- Все названные, вас ждет суд, – сказал каан и удалился в свой аил.
- Не бойся, ты ни в чем не виновата, – шепнул Ойгор жене.
- Ну почему ты вечно как нарыв на теле? – со слезами в голосе крикнула сестра, пробегая мимо. – Позор! Меня муж прогонит из дома и будет прав. Позор!

Сестра первая вошла в аил каана. Ойгор нырнул было за ней, но Эркеле внезапно остановилась, тормозя и его. Он обернулся и увидел, что Охотник держит девушку за плечи и взволнованно шепчет что-то ей на ухо.

- Нет! – возмущенно воскликнула она и вырвалась.
- Передумаешь – подай знак, – нагло усмехнулся Охотник и прошел вперед, толкнув Ойгора плечом.
- Говорит: «Будь моей, и скажу, что он силой держал тебя. А не захочешь – умрете оба», – ответила Эркеле на безмолвный вопрос мужа. – Ни за что не откажусь от тебя!
- Спасибо, – шепнул Ойгор, и они вошли.

* * *

Эркеле с интересом разглядывала богатое убранство многостенного и просторного каанского аила. Каан уселся на подушки, а вошедшим сесть не предложил – не в гостях.

- Говори, Охотник, – начал каан. – Какая, по-твоему, вина за... как там тебя?
- Ойгор, – хрипло ответил подсудимый и кашлянул.
- Жена его – вот эта, что рядом стоит, – ответил Охотник, почтительно опустив глаза, – из людей нижнего мира. Она может таежным зверем обернуться.

Сестра ахнула, прижав руку к груди, и вперилась взглядом в ничуть не смущенную пару.

- Продолжай, – кивнул каан, прикрывая широким шелковым рукавом рот, будто ограждая себя от этих людей. – Ты сам видел?
- Охотник замялся.
- Нет, каан, сам не видал, – не решился он на ложь. – Только как заполучил Ойгор себе вот эту девушку, из неудачника и посмешища стал одним из лучших добытчиков.
- Да будет мне позволено заметить, владыка, – вставил Ойгор. – Много брать у Тайги – бес-

смысленная алчность. Сколько нужно было одинокому? А чтобы семья не нуждалась – это долг каждого порядочного мужчины. Так что никакого везения тут нет, старание одно.

- Пусть так, – согласился каан. – Какие еще доказательства?
- Жен охотники не берут с собой, как тебе ведомо, каан. Из аила Ойгора в эту зиму ночами слышался голос его жены. Днем зайдешь – никого. А к лесу рысьи следы ведут, заметенные снегом.
- Аил мой на самом краю. Зверье может бродить, – согласился Ойгор. – Не далее как в позапрошлую зиму стая рысей побывала в зимовье. А кому какие голоса слышатся – за то отвечать не берусь.

Ойгор с улыбкой посмотрел на противника.

- Пусть же подтвердит кто-нибудь, что эта женщина всю зиму оставалась в стане, – пожал плечами каан. – До охотничьих угодий далеко вато мотаться так, чтобы там ночь провести, а здесь день прожить. Даже будучи зверем. Заметят отлучку. Где твои родные, дева? Что за люди?
- Может, неведомая сила ее переносит, не успеет лошадь хвостом махнуть! Может, не нужны для этого ноги-то! – не выдержал Охотник.
- Полагаю, нижним людям такое дано, – согласился каан. – Да только ты молчи пока. Я деву спрашиваю.
- Нет у меня родных, сколько себя помню, – не солгала Эркеле. – Только добрая сестра моя по мужу может обо мне знать.

Каан перевел взгляд на старшую женщину. Ойгор тоже смотрел на нее. Ласково, спокойно. По ее виску стекла капелька пота. Рука все так же была прижата к груди.

- Не видела я ее половину зимы, – выдавила сестра. – Она ко мне не ходила, я к ней тоже. Не близки мы.
- Дым из аила? Следы на снегу? Видно же, есть в доме кто или нет! – психовал Охотник.
- Не хожу в тот край стана. Нет там у меня дел... – совсем тихо промямлила женщина.
- Я в Тайге ее нашел голую, ни слова по-нашему не понимавшую! И в ту же ночь набежало полное стойбище дикого зверья! – выложил Охотник последнее, что у него оставалось. – Ни разу не слышал, чтобы вот так к человечьему жилью подходили. Будто ее искали.

Сестра заплакала. Ойгор знал, что это она не от жалости к ним двоим, а со стыда. Каан молчал. Шелкнул в очаге занявшийся сырой уголек. Эркеле вздрогнула.

Их действительно оставили в Тайге следующим утром. Руки связали сзади прочными шерстяными веревками. Такие же веревки опоясывали осужденных вокруг талии, крепко прижимая спинами к стволам деревьев. Ойгор радовался, что им хотя бы позволили сесть, прежде чем привязали.

– Нашел в Тайге странную девушку, а твой повелитель впервые слышит, – задумчиво молвил каан.
– По глупости! – Охотник упал на колени. – Я же не думал, кем она окажется. Решил, чужестранка просто. Вот я ее Ойгору и продал. Теперь вижу, повинен в таких бедах!

Ойгор, нахмурившись, наблюдал, как тот, кто толкал их с Эркеле в болото, не удержал равновесие на его краю и сам был готов провалиться в трясины. Только Охотнику до твердой земли было куда ближе... Каан снова обратился к Ойгору:

– Что еще скажешь в свою защиту?
– Нечего сказать, каан. Эркеле действительно не из нашего народа. Беда загнала ее в Тайгу и там покинула. Эта девушка из чужих земель, но не из нижнего мира. Ты мудр, ты поймешь, чему верить: охотничьим байкам или честному слову ни в чем не повинных людей.

– Не нравятся вы мне оба, – проворчал каан. – Один от зависти чахнет и плетет невесть что, как в горячке. Другой спокоен, как будто ему ничего не грозит, и каждому своему слову цену знает. Вот что решим. Ты, Охотник, заплатишь мне шесть хороших шкурок за то, что сразу девушку на мой суд не отдал. Соболя, лису возьму. А тебя, Ойгор, другим судом пусть судят. Велю тебя и жену твою глубоко в Тайгу отвести и там оставить привязанными к деревьям. Через несколько дней поглядим, сожрут вас там дикие звери или нет. Будете целы – недобрая сила вас уберегла. Значит, подтвердится, что водите вы дружбу с нижним миром. Тогда смерть вам сам выберу.

– А зверье разорвет – обычные люди, так? – разве селился Ойгор. – Что же это получается? И так смерть, и эдак?

– Очистить свое доброе имя, пусть даже пойдя для этого на смерть, – вот что предлагаю, – возразил каан.

– А если не нижний мир, а Тайга? Сама Тайга урежет? – подала голос Эркеле.

– Тайга – не мамка тебе, дева. У охотников, конечно, вера своя. Но Тайга сурова, просто так помогать не станет. Немало добрых людей сгнуло в ней. Верно, Ойгор? Отца твоего я знал. Вспомнил, пока за тобой наблюдал. Сила его в тебе чувствуется и надежность. Жаль, пропадет такой человек ни за что.

* * *

Их действительно оставили в Тайге следующим утром. Руки связали сзади прочными шерстяными веревками. Такие же веревки опоясывали осужденных вокруг талии, крепко прижимая спинами к стволам деревьев. Ойгор радовался, что им хотя бы позволили сесть, прежде чем привязали.

Руководил приготовлениями Охотник. Он был мрачен и молчалив, даже не пытался злорадствовать или как-то еще досадить Ойгору. Когда его помощники покинули поляну и они остались втроем, Охотник сказал, не понижая голоса и обращаясь к Эркеле:

– Я вернусь скоро. За тобой вернусь. А ты думай, что тебе дороже: жизнь или он. – Охотник сделал небрежный жест в сторону Ойгора. – Мы с тобой уедем отсюда. Далеко, туда, где нас не знают. Я буду добр к тебе, обещаю. Думай, дева.

– Мы ведь ни в чем не повинны, да? – горестно произнесла Эркеле, когда кусты с шуршанием сомкнулись за удалившимся Охотником. – То, что случилось с солнцем – как я могу быть тому причиной?

– Не думаю, что это связано с тобой. Послушай, если сюда действительно придут дикие звери, они тебя не тронут? Ты же... ты часть Тайги.

– Скорее всего не тронут. Раньше никто не нападал на меня. А тебя я не смогу защитить, если так и останусь привязанной, словно охотничий пес. Если этот человек придет, действительно

придет меня освободить, может быть, мне привтвориться, что я согласна? Я сразу обернусь рысью и перегрызу ему глотку. Он растеряется, не успеет защититься.

– Какая ты смешная, – ухмыльнулся Ойгор. – Он станет резать веревку ножом. Нож еще будет у него в руке, когда ты попытаешься это сделать. Охотник не растеряется, уж поверь мне. Ты не обращала внимания на его шрамы? Ему приходилось водить очень близкое знакомство с хищниками. Кроме того, прежде чем освободить тебя, он наверняка меня убьет. Тогда тебе будет не до выходок. Поверь мне, Эркеле, и не делай глупостей. Пусть поможет, а потом сбежишь. Ты ведь так и хотела с самого начала.

– Тогда я не знала тебя, – сказала Эркеле и замолчала, закусив губу до крови.

Их безвыходное положение не вязалось с умиротворением, царившим в напоенной солнцем Тайге. Воздух был прозрачный и ароматный. Сосны на ветру поскрипывали и изредка роняли прошлогодние шишки.

– Если выживем, что с нами сделают? – нарушила таежное спокойствие девушка.

– Убьют, – пожал плечами Ойгор. – Способов много, и все они ужасные. Лучше тебе про это не знать. Потом похоронят, как водится. Почти как водится... Не на восход лицом, а на закат. И когда солнце взойдет над небесными пастбищами, мы этого света не увидим. Мы не проснемся больше, Эркеле. Умрем окончательно.

Его объяснения прервал шорох папоротника, топот и громкий звук дыхания усталой лошади. Узники замерли в тревожном ожидании. Но всадником неожиданно оказалась сестра Ойгора. Она была бледна. Судя по всему, женщина приняла какое-то непростое для нее решение.

– Ты что здесь делаешь? – спросил Ойгор.

– Я пришла вас спасти. Если только ты мне поклянешься, что все, что я слышала в аиле каана, – выдумки Охотника.

– Нет, все, что он сказал об Эркеле – правда, – невозмутимо ответил Ойгор. – Только мы этим не навлекли никакой беды на народ.

– Ну почему ты такой? Как заноза в пальце, – плаксиво сказала сестра и неловко спрыгнула с лошади.

– Ты меня бранишь, потому что любишь, – улыбнулся Ойгор. – Ведь никакая я не заноза. От меня тебе никогда не было хлопот. Я ничего не просил. А что бывает стыдно за меня – так отореклась бы давно от такого родства.

– Не могу, потому что действительно люблю, – сказала сестра. – Я вас освобожу, только чтоб глаза мои тебя больше не видели, Ойгор.

Она неумело разрезала путы Ойгора и отдала ему нож, чтобы он помог Эркеле сам. Ойгор едва встал, перебирая руками по стволу дерева, пачкая пальцы липкой смолой. Ноги затекли и не подчинялись. Кое-как он доплелся до Эркеле и освободил ее. Сестра тем временем отвязала от седла небольшой полотняный мешочек.

– Вот, немного еды вам в дорогу.

Эркеле бросилась на шею опешившей сестре и принялась покрывать поцелуями ее щеки. Та сперва отшатнулась, но потом тоже заключила девушку в объятия.

– Ишь ты, таежное чудо...

– Спасибо тебе, спасибо! Я всегда знала, что ты хорошая!

– Ну, полно, – смущенно прервала ее сестра, мягко отталкивая от себя. – Бегите.

– Легко сказать, да трудно сделать, – улыбнулся Ойгор, нагнувшись и с силой растирая ладонями ноги ниже колен.

Он распрямился, когда Эркеле подошла и протянула ему руку. В другой руке она сжимала мешочек с едой и нож. Ойгор крепко сплел пальцы Эркеле со своими. Не простившись с сестрой, они отправились в глубь Тайги.

– Куда мы пойдем? – спросил мужчина.

– Неважно. Подальше отсюда. И знаешь, мне кажется, что нужно не идти, а бежать. Пробежим, сколько сможем.

– Мы и так оставляем следы, – возразил Ойгор. – Если побежим, след будет такой, будто колесница проехала. Охотник нас живо отыщет.

– Тогда давай выбирать такой путь, чтобы он не смог проехать верхом. И поищем какое-нибудь укрытие. Ведь, кроме Охотника, никто в погоню не кинется?

– Думаю, нет. Решат, что Тайга забрала нас. А вот он... он от добычи ни за что не откажется.

– Никогда не пойму, на что я ему нужна и что мы оба ему сделали, – вздохнула девушка.

– И не надо. Лучше тебе не понимать человеческое сердце до конца. Слишком много черноты в нем отыщешь.

Тайга оставалась мирной и тихой. Стройные сосны тянулись до небес. Темная хвоя почти не препятствовала лучам полуденного солнца. Землю мягким ковром устлали папоротники. Прошлогодние шишки, ломаясь, хрустели под ногами. Пугливые белки взлетали рыжей молнией вверх, шурша коготками по

сосновой коре. «Кеп-кеп-кеп», – переговаривались между собой яркие клесты, шелкая перекрещенными кончиками клюва.

– Слишком здесь спокойно, – сказала Эркеле. – У меня очень плохое чувство в груди. Давай побежим.

Словно в подтверждение ее слов эхо принесло и умножило далекий возглас. Вскрикнула женщина. Так вскрикнула, как кричат, только завидев свою смерть. Эркеле и Ойгор замерли и переглянулись.

– Твоя сестра... – прошептала Эркеле.
– Мы ей не поможем. Уходи одна, Эркеле. Ты сможешь очень быстро уйти.
– Бежим, – упрямо велела девушка, дергая его за руку.

Они побежали. Ойгор старался не думать о боли, которая разливалась все выше и выше с каждым ударом ступни о землю. Он сосредоточился не на пути, а на его цели. Безопасное место. Уйти как можно дальше. Схорониться. Он не слышал топота ног, только свое шумное сбившееся дыхание. И каждый миг ждал едва уловимого свиста стрелы.

– Подожди, – выдохнула Эркеле. – Как же неудобно!
Она остановилась и поспешно стянула длинную юбку, путавшуюся в ногах и цеплявшуюся за кусты. Девушка осталась в одной рубашке, доходящей до колен. Разулась.

– Не бросай только, – сказал Ойгор. – Отметим наш путь.

Эркеле кивнула, как попало завернула обувь в юбку и прижала к груди, чтобы сверток не мешал бежать. Они снова сорвались с места, огибая стволы деревьев, которые теперь росли ближе друг к другу. Здесь на лошади не проехать. По дороге попался небольшой заросший овраг, куда Эркеле швырнула свой сверток. Крупные листья папоротника качнулись и надежно скрыли его.

– Не могу больше бежать, Эркеле, – со стыдом произнес Ойгор.

Жалуется, как малое дитя. Но колени не сгибались. Ноги потеряли последнюю подвижность и были как сухие ветки. Ойгору казалось, что кости сломаются в щепки при любом неверном шаге. Он прислонился спиной к стволу дерева, зная, что не сможет ни сесть, ни лечь.

Эркеле прислушалась. Загустевший от вечернего зноя воздух доносил до ее чуткого слуха топот копыт. Она и раньше его слышала, только с крупной рыси животное перешло на шаг. Значит, Охотник действительно преследует их. Скоро он вынужден будет спешиться. Взобраться на дерево, подкараулить его и прыгнуть. Выйдет ли?

Девушка обняла ближайшую сосну, слушая, как бьется внутри ствола сердце Тайги. Делая глубокие вдохи, усмирив биение собственного сердца, Эркеле дождалась, пока они не начали стучать как одно.
– Ты, когда здесь называют Меш Ээзи, – горячо зашептала она. – Ты – Мать-Тайга, давшая мне второе рождение. Не оставь нас, защити. Я виновата перед тобой. Я забыла, зачем ты позволила мне жить. Ушла к людям, оставив свое предназначение. За меня погибли мои братья и сестры. Я вернусь к Голубому озеру и продолжу помогать тебе в исцелении хворых. Только защити меня и того, кого я люблю.

Ойгор не мешал ей и не слышал половины слов. Но вот Эркеле закончила. Лицо ее выглядело взволнованно, глаза блестели.

– Надо продолжать путь, – твердо сказала она. – Отдадимся на милость Тайги. Идем. Так быстро, как сможешь. И очень тихо – Охотник идет за нами.

Эркеле пошла впереди, выбирая дорогу. Все ее чувства обострились до предела, словно она вновь оказалась в шкуре хищника. Девушка даже бросала изредка взгляд на свои ноги – убедиться, что они еще человеческие. Сзади послышались торопливые шаги. Он что, даже не пытается подкрасться незаметно? Так в себе уверен? Не сговариваясь, Ойгор и Эркеле побежали.

– Эй! – долетел до них насмешливый голос Охотника. – Таежная дева! Остановись, и я дам ему уйти. Пусть сгинет в Тайге, как его отец. Меня его судьба не волнует. Мне ты нужна!

Эркеле ничего не ответила, лишь ускорила бег. Она не оборачивалась, слыша тяжелое, хриплое дыхание Ойгора за своей спиной. Стволы сосен мелькали мимо лица, сливаясь в одну коричневую стену. Босые ступни были изранены о шишки и иногда попадавшие камни. Над головами пролетела стрела, исчезнув впереди. Из горла Эркеле вырвался звериный рык. Девушка боялась, и в то же время изнутри поднималась такая ярость, что ей невольно было оставаться хрупким человеком.

– Ойгор! – крикнула она, на бегу простирая левую руку назад.

– Я здесь, – сдавленно ответил он, касаясь ее пальцев.

Сзади зашуршало, и послышалась ругань Охотника. Видно, споткнулся об упавший ствол, через который недавно перемахнули беглецы.

– Я убью его, – процедила сквозь зубы Эркеле.

– Не бери зла на себя.

«Да что у него с голосом?»

– Все, Эркеле, не могу... бежать.

Эркеле затормозила, разворачиваясь почти на бегу, и увидела, что Ойгор упал на колени, упершись ладонями в землю и опустив голову. Из его спины торчала стрела. Эркеле жалобно вскрикнула, проскочила мимо мужа и встала между ним и Охотником, который окажется здесь через мгновение. Злые слезы застилали зрение. Она знала, что сейчас ей под силу убить преследователя голыми руками. Человеческими руками.

Он появился, улыбаясь, даже не задыхаясь от быстрого бега. Чуть наклонившись вбок, оглядел Ойгора.

– Подстреленная дичь, – сказал он. – Первой же стрелой. Жаль, вторая мимо пролетела.

Эркеле беспомощно оглянулась на Ойгора. Значит, он бежал раненый?

– Идем со мной. На что он тебе? Нужно выбирать того, кто сильнее. Даже зверь так делает.

– Я уже выбрала того, кто сильнее, – ответила Эркеле, облизывая сухие губы.

Внезапно где-то справа раздался холодящий кровь сердитый рык. Охотник мгновенно натянул тетиву, одновременно разворачиваясь на звук. Исполинский бурый медведь выступил из сумеречных таежных теней – сам не то тень, не то живое существо. Он поднялся на задние лапы и снова заревел. Железный наконечник стрелы тут же впился ему в грудь. Оцепеневшая Эркеле перевела взгляд на Охотника и невольно восхитилась. На его лице не было и следа страха. Только уверенность в себе и охотничий азарт. Он бросил лук и снял с пояса длинный нож.

Медведь грузно опустился на все четыре лапы, ломая стрелу, и бросился на человека. Что-то в черных угольках его глаз дало Эркеле понять, что для них с Ойгором хищник не опасен.

– Спасибо, Меш Ээзи, – сказала она звенящим от напряжения голосом и попробовала помочь Ойгору подняться. – Постарайся, пожалуйста. Уйдем отсюда.

Человеческий стон и рев раненого животного заставили девушку обернуться еще раз, прежде чем уйти. Огромный бурый зверь сжал Охотника в смертельных объятьях. Холодное железо охотничьего ножа заливала темная кровь. Человек и Тайга сошлись в схватке, и ни один не сомневался в своих силах. Посиневшие губы Охотника, покрытые розовой пеной, не покидала нагловатая улыбка, даже когда острые зубы сомкнулись на его горле. Эркеле поспешно отвернулась.

* * *

Когда начался кедрач, а солнце уже почти село, Эркеле заметила просторную полость в корнях одного из кедров. Там и решено было укрыться на ночлег.

Ойгор обессилело привалился боком к узловатому корню и закрыл глаза, придерживая рукой стрелу у основания. Он дышал мелко, неполной грудью. Левую половину живота и поясницы заливала кровь, стекая на штаны. Стрела, кажется, не задела жизненно важные органы, пройдя намного ниже сердца, но он истечет кровью еще до рассвета.

– Что мне делать? – беспомощно спросила Эркеле. – Почему ты не сказал, что ранен? Я бежала и даже не оглядывалась, слыша, что ты не отстаешь.

– Это ничего бы не изменило, – ответил Ойгор. – Послушай, ты должна обломать стрелу поближе к телу. Она мешает. Выдергивать нельзя, даже не думай. Кровь не остановим. погоди, у меня же есть нож.

Он достал из-за пояса нож, который оставила им сестра, и протянул девушке рукоятью вперед. Она принялась отпиливать торчащую спереди и сзади стрелу, оставляя в теле лишь обломок, хоть как-то запечатывающий рану. Ойгор терпел, сжав зубы. Иногда он на короткое мгновение терял сознание от слабости и боли. Милое личико Эркеле расплывалось яркими пятнами, и наступала тьма, тут же вновь сменяясь сумеречным светом предзакатной Тайги.

– Ты не потеряла мешок, что дала сестра?

Эркеле отрицательно покачала головой.

– Нет ли там воды?

Эркеле обнаружила хлеб, сыр и немного вареного мяса. Воды не было. Да и от еды, весь день пробывшей на жаре, уже не очень приятно пахло.

– Я поищу воду. Лежи, – сказала девушка и растворилась в Тайге.

Ойгор сжал нож в слабой руке и стал ждать.

Она вернулась быстро. Ее рубаха стала короче. С криво оборванного подола свисали нитки. Оборванную часть девушка бережно сжимала в руках. Ткань была насквозь мокрая.

– Мне же не во что набрать воду, – виновато пробормотала Эркеле. – Там ручей есть. Я помогу тебе дойти, как только немного отдохнешь. А пока – вот.

Она аккуратно выжала ткань так, чтобы тонкая прерывающаяся струйка не очень чистой воды попала на губы Ойгора. Ему удалось сделать несколько глотков. Эркеле отерла кровь с его тела и отбросила влажную окровавленную тряпку прочь.

- Пойдем к ручью. Промою рану, оторву еще кусок рубахи и перевяжу потуже. Так ведь можно будет вытащить стрелу, да?
- Я уже никуда не дойду, – улыбнулся Ойгор, проведя ледяными пальцами по щеке Эркеле.
- Хорошо, полежи еще. Правда, скоро будет совсем темно, но я вижу в темноте и...
- Я уже никуда не дойду, – повторил Ойгор, прикладывая палец к ее губам, чтобы она не продолжила фразу.

Он разглядывал Эркеле в последнем свете засыпающего дня. Грязная, растрепанная, одетая в лохмотья, она оставалась прекрасным видением, таежным мороком.

- Теперь бы ты согласился пойти к тому озеру? – спросила Эркеле, глядя куда-то в сторону.
- Да, вот теперь у меня выбора нет.
- Я все это время вела тебя туда. Отдохни до утра, а потом пойдём. Напрямик это день пути. Но пути тяжелого. Придется пробиваться сквозь чашу и болота.

Она вымученно улыбнулась. Ойгор не ответил. Он был уверен, что умрет к утру.

Когда он задремал, Эркеле выбралась наружу и стала вглядываться в потемневший лес. Среди неподвижных силуэтов деревьев маячило что-то живое. Эркеле сняла рубаху, чтобы та не мешала, когда она обернется зверем. Темная громада, приблизившись, обрела медвежье очертания. Медведь покачивался. Эркеле с облегчением вздохнула и закрыла глаза. Когда она вновь решила их открыть, перед ней в ночи белело человеческое тело с темными пятнами кровавых ран. Высокий темноволосый юноша шагнул ей навстречу, выставив вперед руку с растопыренными пальцами, как бы прося не бросаться на него.

Ночная Тайга то там, то тут наполнялась тихим топотом маральих копыт и едва слышным шорохом мягких когтистых лап. Сверкали в темноте огни хищных глаз, поймав свет выкатившейся на небосвод луны. Марал не наставлял рога на барса, а снежная кошка не скалила клыки. Меш Ээзи отправил на помощь своему созданию таких же, как она. Один за другим становясь людьми, мужчины и женщины разных возрастов подходили к Эркеле. У них не было языка, на котором они могли бы говорить, но сердце каждого билось в унисон с сердцем Тайги.

Ойгору казалось, что он парит над землей. Плышет, покачиваясь. Он то просыпался, то погружался

в сонный горячечный бред. Над ним склонялись чьи-то лица, черт которых он не мог различить. Боль поглотила тело целиком. Так, что он уже не чувствовал его. Удавалось только моргать и дышать да еще немного размышлять.

Мысли роились в голове бессвязно, сбивчиво. Мужчина думал о том, что даже если он уже умер, Эркеле одна не пропадет. А если он умер, то кто эти тени вокруг? И всегда ли в этом мире так темно? И какой же зверь узнал его имя, что он, Ойгор из охотников, попал в нижний мир из мира подлунного?

Но встало солнце, и Ойгор, окончательно проснувшись, обнаружил, что он жив. Он лежал на жестких носилках из веток, которые несли молчаливые незнакомцы, сменяющие друг друга. Заметив, что он в сознании, Эркеле появилась сбоку от носилок и ободряюще ему улыбнулась. Она была без одежды, как и другие. Ойгор понял, что это за люди.

Он чувствовал себя почти здоровым, только слабость никак не проходила. Он не раз слышал, что перед смертью часто становится лучше. Не мог же сон исцелить его.

Шли долго. Ойгор смотрел вверх на мелькающие ветки кедров и лоскуты голубого неба между ними. Солнце достигло зенита, когда он услышал плеск воды под ногами несущих его людей. Он приподнял голову, насколько получилось, и дух захватило от открывшейся ему бирюзовой красоты. Процессия остановилась.

– Ничего не бойся, – сказала Эркеле. – Когда все начнется заново, я буду рядом.

Она склонилась над ним, прижимаясь щекой к щеке. Ойгор ощутил, что носилки больше никто не держит. Спину тут же обожгло ледяной водой. Неправдоподобно холодной для летнего озера. Он медленно погружался и задержал дыхание, понимая, что надо бы сделать всего несколько гребков, чтобы всплыть. Но тело не шевелилось. Сквозь голубую толщу он видел лицо Эркеле. Легкие предательски расширились, наполняясь водой, и все закончилось.

Ойгор с трудом открыл глаза. Было такое чувство, что под веки набился ил. Мокрое, заледеневшее тело дрожало так, что стучали зубы. Он поширил

руками вокруг себя, будто что-то потеряв. Мужчина не понимал, где он, что произошло, но это и не волновало его. Ему удалось подняться, и тут он заметил, что на лежащем на берегу повален-

ном стволе сидит рыжеволосая девушка, небрежно скрестив вытянутые ноги. Она разулыбалась и по-манила его.

Мужчина подошел, разглядывая незнакомку с головы до ног. Красивая. Она похлопала ладонью по бревну рядом с собой, приглашая сесть. Он содрал с себя что-то мокрое, облепившее обе ноги, брезгливо отбросил прочь и сел. Девушка засмеялась и подобрала брошенную вещь с земли.

– Штаны, – услышал он.

Он догадался, что девушка голосом выражает то, что приходит ему в голову только в виде образов. Невероятно! Вот бы и ему так научиться!

– Эркеле, – медленно произнесла девушка, указывая на себя и четко проговаривая каждый звук.

– Ойгор, – теперь она показывала на него.

Мужчина понял, что так она обозначает разницу между ними. Теперь он знал, кто он, и это ему понравилось.

– Ойгор, – повторил он.

Девушка вдруг разрыдалась, зажав рот рукой. Ойгор снял капельку воды с ее лица и попробовал на вкус. Соленая.

– Слезы, – выговорила она, указывая на капли на своих щеках.

Он хотел бы узнать, что с ней такое, но не понимал, как это сделать. Поэтому выбрал единственное, что пришло в голову. Ойгор прижал плачущую Эркеле к своей груди. Ее запах показался очень знакомым, хотя он впервые видел эту девушку. Ах да, так пахнут стоящие вокруг деревья, нагретые солнцем.

Внезапно в его мыслях сложилось из обрывков одно-единственное знание: о Голубом озере и о людях, способных принимать звериный облик. О таких, как он и эта незнакомая девушка, что всхлипывает у него в объятьях.

Он отпустил Эркеле, подскочил с бревна и опрометью помчался в лес. Ноги почти не касались земли. Он был быстр и легок. Услышав за своей спиной радостный смех Эркеле, он рассмеялся тоже. Мимо стрелой пронеслась рыжая рысь. Ойгор почувствовал, как меняется мир вокруг и он сам.

Рядом с рысью невесомыми скачками бежал светло-коричневый марал, откинувший назад гордую голову с тяжелыми ветвистыми рогами. Совсем как тот, что был когда-то изображен на руке Ойгора из охотников, не существовавшего более.

Выражаю благодарность:

– *Национальному музею имени А. В. Анохина (г. Горно-Алтайск, Республика Алтай) и Музею истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск, Новосибирская область) за бережное сохранение бесценных археологических находок, уникальную атмосферу и замечательных экскурсоводов;*

– *доктору исторических наук Наталье Викторовне Полосьмак за ее нелегкий труд, тягу к открытиям, отзывчивость, помощь в подборе документального материала.*

